

Список литературы: 1. Котов Р. Г., Якушин Б. В. Языки информационных систем. М., 1979. 303 с. 2. Дейт К. Введение в системы баз данных. М., 1980. 463 с. 3. Гак В. Г. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур). — В кн.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969, с. 77—85. 4. Сусов И. П. Семантическая структура предложения (на материале простого предложения современного немецкого языка). Тула, 1983. 142 с. 5. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М., 1982. 169 с. 6. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1974. 366 с. 7. Русская грамматика. М., 1982. 366 с. 8. Fillmor Ch. J. The Case for Case. — In: Universals in Linguistic Theory. N. Y. — L. — Toronto, 1968, p. 1—88.

Поступила в редколлегию 29.09.83.

Т. Ф. ЛОКШИНА

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭМФАТИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ DO+INF

Процессы десемантизации в синтаксисе вызывают развитие таких структур, в которых модально-экспрессивное значение нейтрализует исконное семантическое одного из компонентов, превращая его в формально-грамматическое средство интенсификации высказывания (do + inf, go and V, try and V, sure + inf, can't help + G, keep + G).

Если большинство лексических и синтаксических средств приобретает экспрессию в контексте в процессе своей актуализации (речевая экспрессия), то в структуре do + inf экспрессия составляет неотъемлемую часть ее семантики (языковая экспрессия). Структурный маркер «do» в данной конструкции содержит сему экспрессии на уровне парадигматики. Эмфатическая маркированная форма do + inf может быть бинарно противопоставлена неэмфатической немаркированной форме, образуя категорию экспрессивности, наличие которой признают многие лингвисты. Категория экспрессивности включает три противопоставленных формы: do ask—ask, does ask—asks, did ask—asked. В свою очередь, они могут выражать пять грамматических значений: Imperative Mood, Indicative Present Non—Continuous Non—Perfect, Indicative Present Non—Continuous Non—Perfect in the meaning of Future (in subclauses of time and condition), Indicative Past Non—Continuous Non—Perfect, Subjunctive Mood.

Экспрессивное значение определим методом идентификации [2], т. е. подберем соответствующий синоним, выражающий только логическое, интеллектуальное обозначение предмета/явления действительности. Контраст позволяет судить о наличии экспрессии и определить ее семный состав, ср.: Do be quiet! — Be quiet! В первом высказывании прежде всего воспринимается волевое содержание, а затем наступает логическое осмысливание, в то время как во втором высказывании на передний план выдвигается неусиленная предметно-логическая информация.

1. Анализируя категорию экспрессивности, выраженную формой *do + inf*, выделим входящую в ее состав сему — *эмфазу* (категоричность). «В плане содержания эмфаза — это подчеркнуто категорическая оценка говорящим отношения содержания высказывания к действительности, выражающая *уверенность* (курсив наш. — Т. Л.) говорящего в соответствии содержания высказывания определенным связям и отношениям объективной действительности» [3, с. 10]. Эмфаза имеет несколько семантических вариантов.

а) *Категорическая уверенность* говорящего относительно истинности явления (идеи) намерения, которая часто подкрепляется лексическим окружением формы, например, словами и выражениями *to be right, to be true, really* и др.: *I suppose, the Cats are right, you do need regular confession (Fowles). He did, it is true, try to elevate this personal concern to the level of national interest... (Drabble). Do you mean to say you did like him? — No, ... but I really do think, Mother, that you might let me have my own proposals. — I do see your point of view. Yes, one does like to have one's own proposals (Christie).* Другим усилителем этого варианта эмфазы служит повторная номинация: *Do you mean it with Tom? — Because I hope you do. — I do mean it, she said. — Because if you don't mean it... — I do mean it, she said (Bates).*

б) *Категорическая уверенность* говорящего в реализации действия в настоящем: *You do do the silliest things (Bates);* прошедшем: *We did eventually get to Bambury... (Christie);* будущем (в придаточных предложениях времени и условия): *And perhaps I'm staying here to rescue you when the siege does come (Mitchell). The Yankees are going to take the road... and if they do take it, it's... (Ibid.).* Часто экспрессивный эффект усиливается взаимодействием конструкции *do + inf* со средствами разных уровней. Особенно велика роль здесь синтаксических средств, что вполне закономерно, так как инверсия (1), параллелизм конструкций (2), номинализация (3) сами по себе являются средствами выражения экспрессии [4]. Нами отмечены такие синтаксические средства выражения экспрессии, как расширение предиката за счет модального глагола (2) и дистантное размещение компонентов конструкции *do + inf* (4): (1) „... so the best thing for you is to go out for the day. And go out for the day she did...” (Christie); (2) „They could and did imprison citizens... They could and did harass and hamstring them... The civil courts... functioned at the pleasure of the military, who could and did interfere with their verdicts...” (Mitchell); (3) „Selling lumber in town!... She frequently did take a day off from the mill and peddle lumber... His wife selling lumber!” (Mitchell); (4) „No, no I don't mean to accuse you...” But he did still secretly, like so many men without children blame Charles for falling short of what he imagined all sons to be.... (Fowles). Эмоционально окрашенная лексика, наполняющая эту конструкцию или/и составляющая ее окружение, также усиливает экспрессивный эффект: *How you do run on, she said*

coldly... (Mitchell); He was unhappy because he was... deep down fond of me, and he did really hate to hunt me.... (Christie). Иногда писатели выделяют курсивом в данной конструкции «do», чтобы усилить ее дополнительно графическими средствами.

в) *Категорическая уверенность* в отсутствии реализации действия передается эмфатическими конструкциями отрицания, в том числе и такими, компоненты которых инвертированы: She never did pay much attention to Jim... (Mitchell); There was nothing else she did have, nothing but this red land... (Ibid.); The Confederacy may need the life blood of its men but not yet does it demand the heart's blood of its women (Ibid.).

г) *Контрастивная эмфаза* — категорическая уверенность в том, что реализовались или оказались истинными явления (отношения) связи, противоположные высказанным. Контрастность может быть выражена только грамматически: That's all right, he said, I don't mind. — You probably do mind, but... (Drabble); — Who's the father? — She wouldn't tell. Well, actually, she did tell, she told me... (Ibid), или усилена антонимическим денотативным наполнением конструкции do + inf: She must have heard me come out, but she didn't turn.... — Jane? — Still she didn't move. — Has something happened? — Her head did shift toward me (Fowles).

д) *Консессивная эмфаза* — категорическая уверенность в том, что какое-то явление/отношение реализовалось или реализовалось бы даже при наличии/вопреки некоторому условию. Для осуществления эмфазы этого вида говорящий часто усиливает именно предикат придаточного уступки/условия, выражая тем самым уверенность в реализации действия на фоне условия при/вопреки которому оно реализуется: There was a God after all, and he did provide, even if he did take very odd ways of providing (Mitchell). She wrote me a long... letter that tried to understand what had happened ... though she did end ... by pressing me to go out to one of the colonies ... (Fowles). If I did tell you, you wouldn't believe me, would you? (Mitchell). She wondered if he would be here if he did know, and something told her that even if Phil were dying he would still be giving aid to many instead of one (Ibid.).

2. *Эмоциональность* является одним из дополнительных признаков семного состава экспрессивности. По определению И. В. Арнольд, «слово или его вариант обладает эмоциональным компонентом значения, если выражает какую-либо эмоцию или чувство. Эмоцией называется относительно кратковременное переживание, а чувство — более устойчивое отношение» [1]. Это определяет специфику употребления конструкции do + inf (структурный маркер усиливает то переживание, чувство, оценку, которую называет денотативный компонент): like, hate, appreciate, hope, envy, resent, feel odd/tired, fear, object: Well, yes... I do get awfully bored when they talk about.... (Mitchell); I did for a few moments there feel unaccountably happy (Fowles); I did also very much just want to see you ... (Ibid.).

3. Волеизъявление (побудительность) обнаруживается как семный компонент конструкции в повелительном наклонении. Здесь он передает настойчивую вежливость, настоятельную просьбу, а также выражает раздражение по поводу того, что необходимое действие не реализовалось. Как и в прежних случаях, сема получает дополнительное усиление за счет синтаксических и лексических факторов, таких, как дистантное положение структурного маркера: — Don't gape, — Nancy said. — We've all gaped — try to be different, do (Bates); параллелизм: — Oh, please, Melly, do try! Do make an effort! (Mitchell); а также за счет эмоционально окрашенных слов, окружающих конструкцию: — Good Heavens, Ma, do let's get on! — she cried impatiently (Ibid.); ... do come on and look at this nice beetle. Come on, quick, before it runs away (Drabble).

Методом сплошной выборки было проанализировано около 5,5 тыс. страниц текстов английской и американской художественной прозы XX в. и собрано около 600 примеров, содержащих анализируемую конструкцию. В семном составе do + inf эмфаза является основным компонентом и наблюдается в 77,3 % случаев анализируемого текста. Конструкция в целом активно выполняет в тексте одну из разновидностей коммуникативно-прагматической функции — экспрессивную, которую Р. Якобсон понимал как выражение отношения говорящего к содержанию высказывания [5]. Эту функцию конструкция осуществляет в повествовательном и побудительном предложениях, а в вопросительном встречается в декларативной части разделительного вопроса: A drink does liven you up, doesn't it? (Bates); в составе предиката придаточного, входящего в состав предложения-вопроса: What on earth would he do with them if he did get them? (Drabble); в предложении-вопросе, который по форме таковым не является: Perhaps she does like it? (Ibid.).

Итак, активность анализируемой конструкции подтверждается устойчивостью ее моделей could and do + inf, do + let + inf, never + do + inf, not yet/nothing + do + N + inf; разветвленностью парадигмы, выражающей пять грамматических значений; разнообразием лексического наполнения второго компонента конструкции; мобильностью структурного маркера, его способностью передавать эмфазу в отрыве от лексического компонента; способностью передавать категориальное значение экспрессии в трех типах предложения коммуникативного плана (в предложениях-вопросах ограничено).

Список литературы: 1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л., 1981. 106 с. 2. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961. 121 с. 3. Васильева И. Б. Предложение типа „Yes, I do“ в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1965. 27 с. 4. Трофимова Э. А. Синтаксические конструкции английской разговорной речи. Ростов н/Д, 1981, с. 38—52. 5. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика. — В кн.: Структурализм «за» и «против». М., 1975, с. 199.

Поступила в редколлегию 31.08.83.

**СЕМАНТИКА ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ
ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Отсутствие прямого соответствия между смысловой и поверхностной структурами предложения не позволяет опираться на формальную структуру при семантическом моделировании предложения. Исходным при выделении семантических типов предложения является характер предиката. «Природа глагола, — пишет У. Л. Чейф, — определяет характер остального состава предложения, так как она определяет, какие имена будут сопровождать глагол, каковы будут отношения этих имен к глаголу и какова будет семантическая типология этих имен» [4, с. 115].

Семантика предложения и отражение языковыми средствами ситуации — один из аспектов синтаксической семантики. Ее объектом является, в частности, семантика членов предложения, которые служат носителями определенного содержания. При семантическом анализе предложения, актуализированного в речи (высказывание), возникает вопрос о построении семантической репрезентации предложения с учетом всех его членов. «Чем более конкретно содержание члена предложения, тем жестче детерминирован инвентарь соотносящихся с ним семантических ролей и, наоборот, чем более отвлеченным является содержание предложения, тем шире инвентарь соотносимых с ним ролей» [3, с. 140]. Так, для семантики подлежащего характерны четыре роли, задаваемые лексико-семантическим содержанием глагола и позволяющие адекватно отражать ситуацию. Они составляют *ролевую структуру глагола*.

Инвентарь семантических ролей лингвистами полностью еще не установлен [1—3; 5—7]. Основываясь на инвентаре семантических ролей, разработанных на материале современного английского языка, определим семантические роли, релевантные для описания семантических моделей сочетаемости древнеанглийских глаголов ненаправленного действия.

В отличие от У. Л. Чейфа, различающего лишь два типа субъектов (агенса и пациенс), считаем, что недостаточно для выражения семантики подлежащего. Подлежащее предложение может быть поверхностным выражением следующих семантических ролей: агенса, пациенсa, номинатива и экспериенса.

Агенси обозначает одушевленный предмет, целенаправленно производящий действие, передаваемое глаголом, напр.:

508*... *se Beowulf se þe wig breca wunne on sidne sae ymb sund flite* "the *Beowulf* that strove with *Breca* in the open *sæ*"; (B. T. — 879)** *He ham mid him sipode*: „He went home with them.”

* Цифра соответствует номеру строки в поэме «Беовульф». Примеры сопровождаются литературным переводом на современный английский язык.

** Примеры взяты из словаря Босворта и Толлера с указанием страниц.

Пациенс характеризует объект действия, изменяющий свое состояние (свойство). Внеязыковыми денотативными соответствиями пациенса могут быть неодушевленные и одушевленные предметы, напр.:

767 ... *dryht-sele dynede* "The walls resounded";
1741... *ponne se weard swefep* "when the warder sleeps."

Экспериенсив обозначает лицо, находящееся в некотором физиологическом или психическом состоянии, выраженном глаголом. Опыт данного лица в принципе не обусловлен его активностью; напр.:

(B. T.—82) *Bealg hine swife folc-agende* "The people's lord was greatly irritated."

(B. T.—339) *Ic frondade* "I was wise."

Номинатив — носитель процессуального признака (действия). Однако действие, связанное с номинативом, не является ни произвольным, ни целенаправленным, напр.:

2116 ... *oggæt niht beswom* "until night came."

Инструмент — орудие (средство), которое используется агентом для совершения действия. Он соотносится с неодушевленным предметом и предполагает осознанное, намеренное действие, поэтому встречается только в ролевых структурах, содержащих агенса:

(B. T. — 291) ... *pæt he mid feþer homan fleogan meahte* "that he might fly with the wings."

Каузатив обозначает лицо или предмет, являющиеся причиной действия, состояния или процесса, напр.:

1026. *No he pære feoh-gyfte for scotenum scamigan porfte* "He needn't be ashamed of the costly gifts before the warriors."

Объектив характеризует неодушевленный предмет, затрагиваемый действием. Этот предмет играет нейтральную роль в ситуации:

2897. *Lyt (he.—Г. Л.) swigode niwra spela* "for a little time did he keep silence about the news."

Датив выполняет семантическую роль, обозначая лицо, затронутое состоянием или действием, напр.:

885. *Sigemunde ge-sprong æfter deapdæge dom unlytel* "There arose no little fame to Sigemund after his death."

Обстоятельство места и направления на семантическом уровне может выражаться тремя семантическими ролями. Так, *локатив* обозначает место действия, состояния или процесса, выраженного глаголом-сказуемым, напр.:

1618 ... *se pær inne swealt* "who (the fiend.—Г. Л.) had died in that place."

Источник выполняет семантическую роль, указывая на место, из которого действие направляется, его исходную точку, напр.:

570. *Leoht easten com* "Light came from the east."

Цель указывает место направления действия, т. е. куда или к чему действие (движение) стремится, напр.:

1507 ... *pa heo to botme com* "When she came to the bottom."

Поверхностным выражением семантических ролей *цель* и *источник* может быть также адвербиальное дополнение, напр.:

3064... *hwar þonne eorl ellen-rof ende gefere* "where a noble hero came to the end of his life."

2472... *pa he of life gewat* "when he went from life."

Обстоятельство времени и частности является поверхностным выражением семантической роли (темпоратив). *Темпоратив* обозначает время и частотность действия, движения, состояния или процесса, выраженного глаголом, напр.:

2274 ... *nip-draca nihtes fleogep* „night-fæ flies at night."

Обстоятельство образа действия соответствует на семантическом уровне квалитативу, который характеризует качественную сторону действия, состояния (процесса), напр.:

760... *meag uplang astod* "hero sprang upright."

Ролевая структура глагола представляет собой наиболее полный набор ролей, детерминированных семантикой глагола. Различная комбинация ролей в совокупности со значением действия образует семантическую конфигурацию, например, глагольное предложение:

1007... *þear his lic-homa leger-bedde fæst swefeþ æfter symble* "where his living body in the grave sleeps after the feast."

На семантическом уровне последнее характеризуется следующим образом (соответствует следующей семантической конфигурации): пациенс + состояние + локатив + квалитатив + темпоратив.

Таким образом, для семантического представления предложения отправным пунктом служит языковая данность, т. е. реальное предложение. Семантические роли — универсальный аппарат описания семантики предложения, который может эффективно применяться не только к различным языкам, но и к одному на том или ином этапе развития.

Список литературы: 1. Альтман И. В. Исследование семантики трехчленных конструкций. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1976. М., 1978, с. 215—233. 2. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977. 128 с. 3. Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепаев Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981. 252 с. 4. Чейф У. Л. Значение и структура языка. М., 1975. 172 с. 5. Fillmore Ch. J.

The Case for Case. — In: *Universals in Linguistic Theory*. N. Y., 1968, p. 1—88.
6. Fillmore Ch. J. Toward a Modern Theory of Case. — In: *Modern Studies in English*, 1969, p. 361—379.
7. Fillmore Ch. J. Some Problems for Case Grammar. — In: *Georgetown University Monograph of Languages and Linguistics*. Wash., 1971, N 24, p. 220—225.

Поступила в редколлегию 12.10.83.

А. П. МАРТЫНЮК

НЕКОТОРЫЕ ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВАРЬИРОВАНИЯ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ФОРМ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА

В исследованиях семантического варьирования видо-временных форм английского глагола с учетом внутривидовых факторов в пределах синтаксического уровня языка не уделяется должного внимания изучению обусловленности семантического варьирования факторами прагматического уровня [2; 3; 6; 8]. Поэтому рассмотрим основные случаи взаимодействия десигнативных компонентов видо-временных форм с различными индикаторами коммуникативной интенции говорящего, которые условно назовем форматорами прагматических категорий [1, с. 177]. В первом случае формативные компоненты не вступают в противоречие с десигнативными и семантическими признаками, сигнализируемые первыми, «наслаиваются» на семантические признаки, указываемые последними, вследствие чего видо-временные формы реализуют различные модально-эмотивные оценки при сохранении рациональной.

Так, в соответствии с коммуникативной интенцией говорящего, способность длительных форм выражать отсутствие категоричности (нерешительность, неуверенность в совершении действия) может быть использована в прагматических целях: для передачи таких оттенков значения, как вежливость, тактичность, являющихся элементами прагматического смысла высказывания. Напр.:

Gregory: Hello.

Sheila: Are you — er?...

Gregory: I beg your pardon?

Sheila: Were you wanting to see someone? (A. Ayckbourn).

Формы простого прошедшего, транспонированные в настоящее, также довольно часто употребляются для придания высказыванию вежливой формы:

Gregory: So if it fits with your plans I thought we'd get married some time after Christmas (A. Ayckbourn).

Понятно, что формы длительного прошедшего, транспонированные в настоящее, выражают еще большую степень вежливости по сравнению с транспонированными формами простого прошедшего:

Vandergelder: I was thinking of coming to New York this afternoon (Th. Wilder).

Однако формы длительного прошедшего использовались нашими информантами чаще в ситуациях, предполагающих наличие официальных отношений между говорящими, например, «преподаватель — студент». Сравним формы, в которые одни и те же информанты облакали приглашение, обращенное к официальному лицу: Professor Harking, we were thinking of going to the theatre tonight and we were wondering if you possibly might like to join us; к другу: What are you doing tonight? ... If you're not doing anything why don't we go down to the centre and check out the new production of Madam Butterfly?

Только совершенные формы прошедшего времени обладают определенным модально-эмотивным потенциалом: они способны выражать неосуществленное желание, намерение, надежду, которые в соответствии с коммуникативной интенцией говорящего могут переосмысливаться в упрек:

Nick: I had expected you standing in the driveway with the sun in your face, in the kind of lovely pink thing you used to wear. Instead you are reading. As if you were waiting for the groceries to come (L. Hellman).

В данном случае у формы совершенного прошедшего времени «погашается» семантический признак предшествования, а семантический признак прошедшего комбинируется с указанным семантическим оттенком, привносимым форматорами прагматической категории.

Таким образом, среди модально-эмотивных оттенков значения, передаваемых видо-временными формами, следует разграничивать, с одной стороны, собственно информативные, т. е. «предназначенные для констатации и информирования, осведомления о чем-то адресата без расчета на его ответную поведенческую реакцию» [4, с. 13]; с другой стороны, оттенки значений, обладающие прагматической заданностью, т. е. «предназначенные для воздействия на психику и для регуляции поведения адресата» [4, с. 14]. Последние реализуются на уровне высказывания при взаимодействии десигнативных компонентов форм с форматорами прагматических категорий.

В результате исследования обнаружен также иной тип взаимодействия форматоров прагматических категорий и десигнативных компонентов видо-временных форм, т. е. случаи, когда формативные компоненты вступают в противоречие с десигнативными, а семантические признаки, сигнализируемые первыми, «погашают» семантические признаки, указываемые последними, и форма приобретает иную рациональную и соответствующую ей модально-эмотивную оценку.

Если в первом случае прагматический тип высказывания играет второстепенную роль, то во втором — прагматические транспозиции являются решающим фактором, определяющим значение формы, которая участвует в оформлении высказывания уже не непосредственно, а лишь как компонент предложения определенного структурного типа:

Constance: In a Negro Store! You bought this dress in a Negro store! (He looks at her and laughs) I don't mean that, I mean Ned's right. You must have wanted to make me look just about as awful as — Nick, what are you doing? And why won't you let me see the portrait? (L. Hellman).

У формы длительного настоящего «погашается» дифференциальный семантический признак изъявительного наклонения и дифференциальный семантический признак вида, вследствие чего она становится синонимичной формам повелительного наклонения, отличаюсь от последних большей экспрессивностью и эмотивным зарядом. Такое модальное переосмысление длительного настоящего становится возможным в результате прагматической транспозиции предложений [5, с. 271—276]. В соответствии с коммуникативной интенцией говорящего вопросительное по структуре предложение можно интерпретировать в данном случае как призыв, мольбу, запрещение, но не как вопрос.

В составе утвердительных и отрицательных предложений, транспонируемых в побудительные высказывания, формы непроецессуального длительного будущего, простого настоящего, длительного настоящего в функции будущего, а также простого будущего подвергаются модальному переосмыслению:

Mother Peter: You'll be staying behind to write out the names of Our Lady's parents one hundred times (M. O'Malley);

Laura (rising): Mother, let me clear the table.

Amanda: No, dear, you go in front and study your typewriter chart (T. Williams);

Val: I will go without pay.

Lady: Then you ain't understood me! With pay or without pay, you're staying (T. Williams);

Sophie: I will get Leon and Sophie and we will take him upstairs.

Mrs. Ellis: You will not get Leon and Sadie... (L. Hellman).

Указанные видо-временные формы отличаются от близких им по значению форм повелительного наклонения тем, что они либо несколько смягчают (простое настоящее), либо усиливают (непроецессуальное длительное будущее, длительное настоящее в функции будущего, простое будущее) императивность высказывания.

Следует также упомянуть о некоторых случаях модального переосмысления видо-временных форм в составе вопросительных по структуре предложений, подвергающихся прагматической транспозиции. Речь идет о транспонировании в побудительные высказывания вопросительно-отрицательных предложений, вводимых *why*, с формами простого настоящего:

Pablo: Why don't somebody go to the Chinaman's and bring back a load of chop sncy? (T. Williams);

вопросительных предложений с формами простого будущего, подлежащее которых выражено местоимением второго лица:

Frederick: Will you stop acting as if you're taking mee back to school? I will not be disappointed if you don't wish to come with me but I am sailing on the 16th (L. Hellman),

а также вопросительных предложений с формами простого будущего, подлежащее которых выражено местоимением первого лица множественного числа:

Jenny: Shall we go to the cinema on Monday? (G. Cooper).

Следовательно, семантическое варьирование грамматических форм обуславливается не только факторами синтаксического уровня языка, но и в равной степени факторами уровня прагматического. В большинстве случаев последние играют второстепенную роль, актуализируя семантический потенциал грамматической формы. Однако в определенных типах прагматических транспозиций они выступают на первое место, придавая форме изначально несвойственные ей значения.

Описываемые явления находятся в полном соответствии с мнением, согласно которому семантика какого-либо отдельного элемента не релевантна для понимания общего смысла высказывания, если адресату понятно коммуникативное намерение говорящего. Это свидетельствует о том, что содержание всякой грамматической формы в речи в конечном счете определяется коммуникативной интенцией говорящего [9].

Подобные результаты получены на уровне лексики. Так, Л. П. Терентьева, изучающая семантику и прагматику лексических окказионализмов, указывает, что в большинстве случаев экстралингвистическая ситуация общения и вербальное окружение словесного знака находятся в гармоничном соотношении со словарной семантикой. Для полного и адекватного выражения мысли говорящему достаточно воспроизвести готовые словарные значения, однако иногда говорящий интерпретирует словарные значения по-своему, вкладывая в них новое содержание [7, с. 10—11]. Это подтверждает идею о том, что прагматический смысл превалирует над значением всех элементов, составляющих высказывание.

Итак, результаты нашего исследования, не претендуя на полное освещение проблемы, позволяют поставить задачу дальнейшей ее разработки на основе экспериментального анализа просодических средств, т. е. индикаторов коммуникативной интенции говорящего.

Список литературы: 1. Вейнрейх У. О семантической структуре языка. — Новое в лингвистике, 1970, вып. 5, с. 163—250. 2. Данчеева Н. В. Грамматические формы видо-временной системы английского глагола в ситуативном контексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 24 с. 3. Иванова И. П. Видо-временная система в современном английском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1957. 57 с. 4. Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978. 160 с. 5. Почепцов Г. Г. Конструктивный анализ структуры предложения. К., 1971. 191 с. 6. Расторгуева Т. А. Варьирование и исторические изменения морфологической системы английского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1980. 444 с. 7. Терентьева Л. П. Семантика и прагматика лексических окказионализмов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 27 с. 8. Тураева З. Я. Категория времени: Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка). М., 1979. 219 с.

9. Tannen D., Piyale O. Health to our mouths: formulaic expressions in Turkish and Greek. — In: Proceedings of the third annual meeting of the Berkeley linguistics society. 1977, Febr. 19—21, p. 516—535.

Поступила в редколлегию 04.10.83.

В. Н. МОЛОДЕЦ, канд. филол. наук

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СИНОНИМОВ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Ранее мы рассмотрели общие вопросы стиля в лингвистической терминологии и стилистические различия между вариантами лингвистических терминов русского и немецкого языков при их семантическом тождестве [9]. Если даже терминологическим вариантам слов и словосочетаний бывает присуща стилистическая дифференциация, то она тем более характерна для синонимов с единым или близким предметно-логическим содержанием, в том числе для синонимов-терминов. А. В. Лагутина, например, указывая на полную семантическую и стилистическую равнозначность вариантов и абсолютных синонимов общеупотребительных слов, отмечает определенную разницу между терминологическими синонимами [6, с. 121—122].

Впрочем, такая точка зрения не является общепризнанной в науке. Наоборот, широко распространено мнение, что между синонимами терминов, в частности дублетами, стилистических различий нет и быть не может. Так, А. А. Реформатский и другие лингвисты отрицают стилистическую окрашенность дублетов и считают интернационализмы и их кальки на основе национальных языков нейтральными по своему стилю [12, с. 65].

Проведенные нами исследования русской и немецкой лингвистической терминологии, показали, что имеются определенные стилистические и даже семантические различия между некоторыми синонимами следующих трех групп: 1) синонимами на иноязычной основе; 2) дублетами; 3) синонимами на национальный основе. Проанализируем имеющиеся различия между синонимами этих групп.

Синонимы русских и немецких лингвистических терминов первой группы появились в разное время, поэтому они отражают различия в понимании того или иного явления, объеме соответствующего понятия и стилистических оттенках, напр.:

автосемантический — категоремантический — лексикографический
(autosemantisch — kategorie-matisch — lexikographisch);
увулярный — гуттуральный (uvular — guttural);
лингвистика — глоттология (Linguistik — Glottologie).

Разница между этими синонимами заключается в их употребительности. Первый синоним более употребителен и поэтому возглавляет соответствующий синонимический ряд. Кроме того, не-

которые синонимы обладают более широким значением. Например, термин «гуттуральный» включает в себя, помимо увулярных звуков, фарингальные, эпиглоттальные и др. Различия в употреблении терминов «лингвистика» и «глоттология» объясняют Е. Д. Поливанов и Н. В. Юшманов [10, с. 114]. Другие же составители словарей считают последние два синонима совершенно идентичными [4, с. 109].

Анализ показывает, что в русской и немецкой лингвистической терминологии имеются одни и те же виды синонимов. Различие состоит лишь в том, что в количественном отношении русские и немецкие синонимы по-разному распределяются внутри отдельных видов, а некоторые из них (заимствования) дифференцируются стилистически только в одном из исследуемых нами языков. Так, русскому термину «указательное местоимение» соответствуют следующие эквиваленты: *Demonstrativum* — *ein demonstratives Pronomen* — *ein hinweisendes Fürwort* — *ein anzeigendes Fürwort* — *ein deiktisches Pronomen*. Таким образом, в немецком языке используются два иноязычных корня, которые редко употребляются в русской лингвистической терминологии. Как в русском, так и в немецком языке этот вид синонимов лингвистических терминов немногочислен: среди 30 тыс. русских и 35 тыс. немецких терминов нами обнаружено всего 302 синонима на иноязычной основе, составляющих 120 синонимических рядов.

Дублеты лингвистических терминов играют иногда важную роль в разграничении функций интернационализмов и их калек на национальной основе и по этой причине должны быть сохранены в составе терминологии [4, с. 14]. Указывая на стилистические различия дублетов общеупотребительных слов, Э. Г. Ризель подчеркивает экспрессивную окраску иноязычных эквивалентств [18, с. 64], а также обращает внимание на классовую и идеологическую дифференциацию дублетов [18, с. 64—65]. Важность употребления дублетов в стилистических целях подчеркнута и зарубежными авторами. Так, в западногерманском журнале «*Lexis*» по этому поводу говорится следующее: «Интересным представляется перевод на немецкий язык иноязычных слов в отдельных стилях национального языка. Некоторые иноязычные слова нельзя переводить дословно, поскольку при этом теряется часть их национального колорита. Это особенно относится ко всякого рода научным и техническим терминам. Так, русский термин «былина» нельзя передать на немецкий словами *Sage* или *Heldensage*, потому что такой перевод внес бы неясность в однозначный русский термин. По этой причине автор статьи «Сравнение в героической поэзии», касаясь русского фольклора, с полным основанием использует термин *Byline*, т. е. применяет номинирование реалии в форме иноязычного слова. Подобный же случай наблюдается во французских учебниках по литературоведению и языкознанию, где употребляется термин *le lied*; немецкое слово *Lied* потеряло бы при переводе на французский язык свой национальный колорит» [17, с. 136].

И в русском языке без перевода остались такие иноязычные литературоведческие термины, как «миннезингер», «роман», «шансон», «шванк» и др., более полно отражающие сущность выраженных ими понятий в иноязычной оболочке.

В случае наличия терминологических дублетов «иноязычное слово — калька на национальный основе» интеллектуальные сферы их употребления, как правило, четко разграничены. Термины на иноязычной основе обладают совершенно особой стилистической характеристикой: они звучат «ученее», «терминологичнее», порой высокопарно и авторитетно. По этой же причине, если необходимо подчеркнуть особую важность слова, предпочтение отдается иноязычным дублетам вместо синонимов на национальной основе. Так, укротителя зверей в цирке в странах немецкого языка называют французским словом *Dompteur*, а не немецким *Tierbändiger*, которое для немца звучит намного проще и даже слишком обыденно. Значительно реже бывает и наоборот: из-за пуристических тенденций в Германии иностранные слова низводились до положения преследуемых и заменялись автохтонными. Так, слово *Fahrer* стало со временем более употребительным, чем его синоним *Chauffeur* французского происхождения. Кроме того, оно входит составным компонентом во многие сложные слова, тогда как слово *Chauffeur* в этой функции в немецком языке не выступает. В русском языке между синонимами «шофер» и «водитель» незначительна, очевидно, из-за менее развитой тенденции заменять иноязычные слова кальками.

Что касается дублетов лингвистических терминов, то в странах с немецким государственным языком интернациональные термины используются в основном в научных трудах и в учебной практике старших классов средней школы и особенно высших учебных заведений, где господствует академический стиль изложения. В практике же начальных классов средних учебных заведений предпочтение отдается своим национальным калькированным эквивалентам, как более доступным широким народным массам. В немецкой лингвистической терминологии, употребляемой в советской германистике, используются главным образом интернационализмы на всех стадиях обучения как в популярной, так и в научной литературе со sporadическим дублированием интернационализмов немецкими кальками (никогда не наоборот, как это имеет место на низших и средних стадиях обучения в ФРГ, Австрии, Швейцарии и ГДР).

Необходимо отметить еще одну важную причину сохранения дублетов в русском и немецком языках. Термины, как правило, однозначны. Будучи иноязычным словом, они закрепляют свою однозначность именно благодаря тому обстоятельству, что номинированы таким лексическим знаком, который существует в языке изолировано, безотносительно к своей предметной соотнесенности в целом или к значению своих составных частей. По этой причине в качестве терминов часто удобнее использовать иноязычные слова, трудно поддающиеся замене исконными словами, поскольку они содержат в себе определенный добавочный стилистический оттенок

научности. Исследователь из ГДР К. Хеллер назвал их «более интенсивными иноязычными словами» [16, с. 18]. Слова же национального языка, в том числе и многие используемые в качестве кальки, «обросли» за время своего существования иногда несколькими значениями, что, естественно, мешает им в какой-то мере выполнять роль терминов. Значения, заложенные в термине, присущие данному слову или его компонентам изначально, могут влиять друг на друга и переплетаться [8, с. 131]. С другой стороны, кальки на базе национального языка делают понятие, выраженное иноязычным словом, более доходчивым, т. е. служат целям их распространения среди широких народных масс. И лишь будучи употребленными рядом или чередуясь в тексте, интернационализмы и их национальные кальки способны полностью реализовать функцию терминов — научно, кратко, однозначно и в то же время популярно, демократично, понятно и доходчиво называть понятие. Следовательно, дубликаты выполняют свою задачу в диалектическом единстве содержания и формы. Характерное своеобразие дублетов заключается в том, что при идентичном содержании они проявляются в виде сложного единства — интернационализма и национальной кальки. Именно то обстоятельство, что в русском и немецком языках в лингвистической терминологии используют слова, корни и элементы слов из классических языков, дубликаты играют положительную роль, послужило причиной не только их сохранения, но и непрерывного роста в языковой системе.

Стилистические особенности иноязычных дублетов в большей степени зависят от того, насколько прочно они «вросли» в национальный язык, ощущаются ли они в нем как инородные тела или уже могут быть приравнены по стилю к исконным словам, т. е. от степени их ассимиляции. Если в отношении дублетов традиционной русской и немецкой лингвистической терминологии можно утверждать, что в своем большинстве они стилистически примерно однородны, а их различия в функциональных стилях со временем стираются, то в отношении новых иноязычных терминов, создаваемых лингвистами в последние десятилетия и широко используемых в научном лексиконе, следует сказать, что они зачастую воспринимаются как инородные тела. Когда процентный состав таких терминов («ученых варваризмов») непомерно увеличивается (немцы называют это явление *Überfremdung*), то они обретают новое качество — затрудняют понимание текста, отвлекают внимание от основной нити повествования, т. е. играют явно отрицательную роль. Многие из таких иноязычных слов сами по себе не могут быть более или менее употребительными в современном русском и немецком языках науки и не должны были бы затруднять понимание текста, однако в большом количестве на единицу текста они (так же, как и малоупотребительные слова и неологизмы) осложняют акт восприятия речи. Важно при этом отметить, что стиль ведущих советских и зарубежных лингвистов доступнее, поскольку у них лучше продумано соотношение иноязычных и национальных дублетов.

На корректное употребление иноязычных слов неоднократно указывали еще классики марксизма-ленинизма [1; 2], а также многие лингвисты, писатели и общественные деятели [15]. Некоторые лингвисты выступают за ликвидацию дублетов по той причине, что они якобы перегружают память, являясь в языке ненужным балластом [7, с. 9—11]. Мы хотели бы возразить этому и привести в качестве неопровержимого доказательства живучести и необходимости употребления дублетов многовековое сосуществование в в составе русской и немецкой лингвистической терминологии ряда параллельных синонимических форм.

По данным И. Р. Зубковой, уже несколько столетий в русской грамматике присутствуют дублеты «предикат — сказуемое», «дуалис — двойственное число», «адъектив — имя прилагательное», «конъюнктив — сослагательное наклонение» и др. [5, с. 97—99].

В XX в. появились и прочно вошли в обиход фонетические термины, в том числе такие дублеты, как «веляризация — отверждение», «лабио — дентальный — губно-зубной», «постпалатальный — задне-небный» и др. Согласно данным И. А. Субботиной, немецкие кальки латинских терминов *nomen substantivum* (имя существительное) и *verbum* (глагол) возникли в следующие периоды: синонимы термина *nomen substantivum* — *Hauptwort* (с XVII в.), *Dingwort* — *Gegen* — *standswort* (с начала XIX в.); синонимы термина *verbum* — *Zeitwort* (с XV в.), *Tätigkeitswort* (с начала XIX в.) [13]. Кроме вышеуказанных причин сохранения дублетов в лингвистической терминологии, немаловажную роль играет еще одна: как в общеупотребительной лексике, так и в терминологии дублеты нередко чередуются друг с другом в целях достижения лучшего стиля [18, с. 119].

Мы убеждены в том, что дублеты не являются языковым излишеством, поскольку национальные кальки дополняют иноязычные слова и служат своеобразным мостиком, соединяющим мировую культуру и науку с национальной. Если бы в ходе стандартизации и унификации пришлось от них отказаться, то это нарушило бы нынешнее равновесие между пластом иноязычных заимствований и пластом национальных слов и их производных, вызвало бы приток новых заимствований в данный язык взамен ликвидированных единиц с присущими им функциями. По нашему мнению, стандартизация и унификация русской и немецкой лингвистической терминологии вовсе не будут означать их полный переход на интернациональную основу, а лишь наведут в этих терминосистемах строгий порядок в соотношении двух языковых начал и освободят их от малоупотребительных, устарелых и мертворожденных терминов.

Дублеты лингвистических терминов нередко различаются в русском и немецком языках по своей употребительности. При этом более употребительными формами (основные синонимы, десигнаторы, расположенные в словаре в начале соответствующего синонимического ряда) могут быть как иноязычные прообразы, так и их националь-

ные кальки. Данное обстоятельство является еще одним доказательством того, что в обоих языках сейчас уже нельзя обойтись одними иноязычными или национальными формами [11, с. 136—137].

Как показывает анализ, дублиеты представляют собой основной вид синонимов в обеих терминосистемах; количество синонимических пар и рядов этого вида настолько велико, что для их точного подсчета необходимо разработать специальную методику.

Лингвистические термины на национальной основе отличаются своей тесной предметно-логической связью с общим значением данных слов или их элементов, поэтому они имеют большую семантическую амплитуду, чем иноязычные слова в роли терминов. Между синонимами лингвистических терминов на национальной основе более ощутимо проявляются семантические и стилистические различия, что можно проиллюстрировать следующими приемами: *говор* — *наречие*. Первое слово употребительнее второго, зато второе шире по своему значению: в сравнении с первым оно означает также группу говоров, связанных друг с другом общими признаками. Согласно данным толковых и специальных словарей лингвистических терминов [4, с. 110, 253; 14, т. 1, кол. 582, т. 2, кол. 411—412], их значения иногда могут и совпадать, напр.: акающий говор — акающее наречие, местный говор — местное наречие. Поэтому оба эти русские по происхождению термина имеют общий синоним «диалект» греческого происхождения: *Anfangsstellung* — *Spitzenstellung* — *Endstellung* — *Ausdrucksstellung*. Первый, второй и третий термины можно назвать по-немецки *Ausdrucksstellung*, поскольку они несут эмигратическую нагрузку, т. е. являются синонимами по отношению к четвертому слову. Однако по отношению к третьему слову первое и второе не могут быть синонимами, они — антонимы. Из 30 тыс. русских и 35 тыс. немецких лингвистических терминов нами выявлено 93 русских синонима на национальной основе, сгруппированных в 40 синонимических пар и рядов и соответственно 248 немецких синонимов, объединенных в 97 пар и рядов.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 321—323. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 73—96; т. 40, с. 49; т. 42, с. 264—304. 3. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, с. 192—233. 4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. 606 с. 5. Зубкова И. Р. Истоки русской грамматической терминологии. — В кн.: Материалы 6-й конференции аспирантов (серия гуманитарные науки). Ростов н/Д, 1965, с. 96—99. 6. Лагутина А. В. Абсолютные синонимы в синонимической системе языка. — В кн.: Лексическая синонимия. М., 1967, с. 121—129. 7. Как работать над терминологией: основы и методы. М., 1968. 256 с. 8. Мальковский Г. Е. Лексикографические пометы семантико-стилистической равнозначности в двуязычных словарях. — В кн.: Лексическая синонимия. М., 1967, с. 129—137. 9. Молодец В. Н. Стилистическая дифференциация вариантов русских и немецких лингвистических терминов. — В кн.: Термин и слово. Горький, 1985, с. 121—127. 10. Поливанов Е. Д., Юшманов Н. В. Словарь лингвистических терминов. — Вopr. языкознания, 1969, № 4, с. 112—125. 11. Полторацкий А. И. Основные понятия лингвостилистики. — В кн.: О принципах и методах лингвостилистического исследования.

М., 1966, с. 131—143. 12. *Реформатский А. П.* Введение в языкознание. М., 1955. 394 с. 13. *Субботина И. А.* Становление и развитие немецкой грамматической терминологии (на материале морфологии). — Дис. ... канд. филол. наук. М., 1967. 571 с. 14. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940. 15. *Яковлев К.* Как мы портим русский язык. Ярославль, 1974. 64 с. 16. *Heller K.* Das Fremdwort in der deutschen Sprache der Gegenwart. Leipzig, 1966. 185 S. 17. *Lexis*, 1952, Bd 3, 1 Teil, S. 136. 18. *Riesel E.* Stilistik der deutschen Sprache. М., 1963. 488 S.

Поступила в редколлегию 12.06.83.

Е. И. МОРОЗОВА

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯЦИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО И ГЛАГОЛА НА УРОВНЕ СЛОВАРЯ И СИНТАКСИСА

Выявление многообразия отношений между элементами языковой структуры способствует раскрытию динамики языка в процессе его функционирования. Положение марксистско-ленинской философии о взаимообусловленности, диалектическом взаимодействии относительного и абсолютного подтверждается, в частности, анализом природы наименования словами разных частей речи. Проследим связи прилагательного и глагола на материале английского языка.

Основное категориальное значение прилагательного (признак, качество) находит свое выражение в его категориально-семантических разрядах. Прилагательные могут обозначать собственно качества, свойства предмета или явления (yellow, fat), предметы (wooden, flaxen), действия/процессы (readable, bantering, catchy), признаки признака (hard в a hard worker). В различных подклассах прилагательных наблюдается отличие в соотношении семантических, морфологических и синтаксических признаков. Например, в прилагательных собственно качественного значения (heavy, thin, narrow) эти дифференциальные признаки находятся между собой в равновесии: качественному значению соответствуют категории (указанные прилагательные имеют степени сравнения) и функции, способные выполнять атрибутивную и предикативную синтаксические функции прилагательного. В относительных прилагательных данное равновесие нарушается: значения предметности, действия, признака признака, выражаемые этими прилагательными, не соответствуют общекатегориальному значению признаковости (качественности), но подчиняются ему, принимая морфологические формы признакового имени, становясь «окачествленными».

Однако качественные прилагательные не представляют собой семантически однородную группу, поскольку среди них выделяются прилагательные статические и динамические. Последние способны выражать, кроме качественных, значения стативно-процессуальные. Отношения, обозначаемые динамическими прилагательными, могут быть выражены в синтаксисе другими частями речи, в частности

глаголом: *She is afraid of it. — She fears it. He is sick. — He vomits.* Отсутствие качественной семантики влечет за собой сдвиги в морфологических признаках этих прилагательных (утрата степеней сравнения) и в синтаксическом употреблении (тяготение к предикативной позиции). Таким образом, в статических качественных прилагательных наблюдается равновесие семантического, морфологического и синтаксического признаков, в динамических — смещение и нарушение этого равновесия.

По признаку соответствия/несоответствия семантики подкласса основной семантике данной части речи Г. А. Золотова разграничивает изосемические и неизосемические подклассы слов [1, с. 127]. Слова этих подклассов являются средствами прямой и косвенной номинации. Если прилагательные *breakable* и *golden* служат неизосемическими обозначениями действия и предмета, то глагол *break* и существительное *gold* — изосемическими обозначениями соответствующих денотатов.

Полевые структуры частей речи можно представить в виде традиционных концентрических окружностей, где изосемические подклассы составляют ядро данной части речи, а неизосемические — периферию. Полевая структура прилагательного современного английского языка может быть представлена следующим образом: ядро — качественные непроизводные статические прилагательные, ближняя периферия — динамические прилагательные, дальняя периферия — производные прилагательные. Полевая структура глагола такова: ядро — акциональные глаголы, ближняя периферия — неакциональные глаголы, дальняя периферия — производные глаголы. Взаимодействие прилагательного и глагола как объектов полевой природы проходит по следующим линиям: 1) ядро прилагательного — дальняя периферия глагола: *intense — to intensify, red — to redden, final — to finalize, pacific — to pacificate*; 2) ближняя периферия прилагательного — дальняя периферия глагола: *sad — to sadden, civil — to civilize, coarse — to coarsen*; 3) ближняя периферия прилагательного — ближняя периферия глагола: *(to be) sick — to vomit, (to be) glad — to rejoice, (to be) late — to tradicate*; 4) дальняя периферия прилагательного — ближняя периферия глагола: *unrecognizable — to recognize, amusing — to amuse, forgetful — to forget*; 5) дальняя периферия прилагательного — ядро глагола: *breakable — to break, eatable — to eat*. Следовательно, данные части речи являются семантически и морфологически пересекающимися классами.

Подобная дифференциация внутри этих частей речи порождает прямые следствия для синтаксиса, поскольку принадлежность слова к категориально-семантическим подклассам определяет его семантико-синтаксическое назначение, позиции, которые оно способно занять в различных моделях предложения. Поскольку слова изосемических подклассов частей речи отражают в языке рубрикацию основных категорий внеязыковой действительности, выступая в качестве предикативных компонентов предложения, они образуют

фонд основных синтаксических моделей для выражения тех или иных типовых значений. Так, при передаче квалификативных и стативных типовых значений основной оказывается адъективная модель $N - V_{\text{cop}} - Adj$, акциональных — модель $N - V_{\text{fin}}$. Слова неизосемических подклассов участвуют в образовании вспомогательных моделей: адъективная модель может передавать типовое значение акциональности, глагольная — стативности и квалификативности. Очевидно, что функционально-семантические «встречи» прилагательного и глагола на синтаксическом уровне будут происходить в общем для двух моделей семантическом секторе в рамках типовых значений квалификативности, статальности, акциональности.

Обращение к синтаксису при изучении функционально-семантических связей частей речи целесообразно еще и потому, что «именно в синтаксических микроконтекстах выявляются сходства и различия слов и их значимых форм» [4, с. 37]. Однако необходимость привлечения синтаксических данных при изучении корреляций прилагательного и глагола продиктована не только этим. Коррелирующие части речи могут быть связаны между собой трансформационно и перифрастически. Под трансформацией, являющейся одной из разновидностей транспозиции, понимаются такие преобразования лексем, когда сохраняется тождество смысла, сигнификата, но меняется денотат [3, с. 182]. Необходимым условием сохранения смысла является тождество корневых лексем структур, связанных отношениями трансформации. Словарные трансформации служат необходимым средством преобразования структурных схем. Они опосредованы предложением, т. е. «созданы» путем синтаксической деривации [2]. Таким образом, девербативные прилагательные (синтаксические дериваты) представляют собой разновидность номинализации — адъективацию.

Под перифразой понимаются такие отношения между двумя единицами, при которых сохраняется тождество денотата, но меняется смысл (сигнификат) [3, с. 201]. Перифрастические отношения коррелирующих единиц, принадлежащих к разным частям речи, основываются на тождественности их референтов, устанавливаемой в определенной ситуации при сопоставлении двух предложений. Одно из них включает в себя какую-либо из этих единиц, а второе в той же синтаксической функции — другую.

Итак, функционально-семантические корреляции частей речи представляют собой сложную, многоаспектную проблему, не укладывающуюся в лексико-морфологические рамки, для решения которой необходимы синтаксические данные, опирающиеся на семантику.

Список литературы: 1. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. 368 с. 2. Курилович Е. Р. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. — В кн.: Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 57—70. 3. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения (семиологиче-

ская грамматика). М., 1981. 360 с. 4. Ярцева В. Н. Семантические корреляции единиц структуры языка. — В кн.: Науч. докл. высш. шк. Сер. филол. науки, 1980, № 1, с. 37—43.

Поступила в редколлегию 13.10.83.

А. А. ПРОКОПЧУК, канд. филол. наук

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРИДАТОЧНЫМИ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ

Изучение сложноподчиненных предложений (СПП) с придаточными изъяснительными (СППИзъяс) в парадигматико-классификационном аспекте, т. е. путем противопоставления их другим предикативным единицам, показало, что СППИзъяс в русском языке входят в список «предикативных структур, отнесенность которых к простому или сложному предложению не вполне очевидна» [1, с. 40].

Исследования СПП в плане аранжировки, функционирования в тексте свидетельствуют о том, что существует различие в функциях главной и придаточной частей. Первично-предикативные структуры (главные части) участвуют в образовании текста, но «они образуют лишь текстовой каркас, который практически не может или может лишь в особых случаях функционировать как самостоятельный текст», в то время как «назначение вторично-предикативных структур (придаточных частей. — А. П.) сводится к тексторазвертыванию и текстопостроению. Эти структуры отличаются максимальной текстовплетенностью» [2, с. 10]. О. И. Москальская приходит к выводу, что «развитие основной линии текста осуществляется через прерывистую цепочку главных и самостоятельных¹ предложений, а форма придаточного предложения служит для включения в текст пропозиций с левосторонней коммуникативной функцией и в непосредственной близости к той пропозиции, которую она дополняет или комментирует» [4, с. 527]. Этот вывод не распространяется на СПП одночленной или нерасчлененной структуры, к которым принадлежат и СППИзъяс, так как в последних придаточные части не заключают в себе отдельного суждения, дополняющего или комментирующего главную часть гипотаксиса, а являются частью одного суждения и входят в обязательный структурный минимум предложения.

Анализ художественных и лингвистических текстов показал, что структурно-семантические особенности главной части СППИзъяс обусловлены характером литературы. Для научной, например, не свойственны главные части типа *Es begab sich*, *Es fügte sich (bald)*, *Es geschah (das Merkwürdige, das Überraschende)*, *So kam es*, *(Wieder) kam es dahin*, *Es traf sich*, *Es trug sich zu*; главные части с опорными словами *dumm*, *eine Dummheit*, *entsetzlich*, *faszinierend*, *nett*, *peinlich*, *phantastisch*, *schrecklich*, *Schweinerie* и т. д. В то же время художественной не типичны стандартизованные главные части

СППизъяс, составляющие специфический признак научной литературы [6].

Структурно-семантические свойства главных частей СППизъяс могут зависеть от характера членения текста на составляющие и от функций этих составляющих. Особенно отчетливо это наблюдается в рассуждениях, к которым принадлежит большинство лингвистических текстов. Научная литература, основной задачей которой является изложение проблемной ситуации, относительного «незнания», демонстрация ее решения, выведение нового, содержит не только определенное количество информации, относящейся к исследуемому предмету, но и сведения о деятельности (операциях), связанной с получением этой информации, сведения об отношении исследователя к объекту исследования, к потенциальному получателю текста [5]. Структура мыслительно-речевой деятельности при создании данного вида литературы является основой структуры самого текста. Опираясь на элементы метатекста, маркирующие мыслительно-речевые операции в процессе создания текста, можно приблизительно установить структуру научной литературы.

Выписывая из каждого лингвистического текста элементы, маркирующие отдельные его компоненты, и «накладывая» полученные группы маркеров друг на друга, получаем тематическую схему, отражающую основные мыслительно-речевые операции при создании лингвистического текста. Анализ такого рода маркеров показал, что главные части СППизъяс имеют среди них довольно высокий удельный вес (11,5 %), а в некоторых случаях последний составляет до 20—25 %. В целом же удельный вес предикативных образований как маркеров структурного членения научного текста еще выше, если учесть функциональные синонимы СППизъяс (конструкции с зависимым инфинитивом) [7] и с включенными номинализациями, а также конструкции, в которых предложение с изъяснительным словом выступает не в качестве главного, а в качестве придаточного.

Приводим основные группы мыслительно-речевых операций, которые определяют тематическое структурирование лингвистических текстов, а также примеры главных частей СППизъяс, маркирующие соответствующие тематические компоненты. *Операции, подготавливающие формулирование проблемы:* а) сообщение о том, что известно о соответствующем явлении: Es ist bekannt, daß; Es ist eine alte Beobachtung, daß; So weiß man, daß; б) авторизация положений: A ist der Ansicht, daß; в) принятие одних положений и отрицание других; установление неизученных аспектов, фактов; формулирование противоречий, несоответствий: Wir pflichten A bei, daß; Es ist häufig nicht berücksichtigt, daß; Ferner wird übersehen, daß; Es fehlen noch exakte Kriterien dafür, ob.

Операции по формулированию проблемы, задачи, вопросов, цели: Das Problem besteht darin, daß; Es wird beobachtet, ob; Es muß entschieden werden, ob. *Операции, связанные с решением проблемы:* а) сообщение об исходных положениях; формулирование гипотез,

предположений: Wir vertreten die These, daß; Wir gehen bei unseren Darlegungen davon aus, daß; Wir wollen annehmen, daß; Die Annahme, daß; Das führt zu der Annahme, daß; Wir gehen von dem Grundsatz (der Hypothese, der Voraussetzung) aus, daß; б) изложение фактов, примеров и наблюдений над ними: Es fällt auf, daß; Es ist zu beobachten, daß; в) разграничение, установление различий: Es ist zu unterscheiden, wie; Unterschiede bestehen darin, daß; г) установление причинно-следственных отношений, выведение положений; доказательства, демонстрация: Daraus folgt der Grundsatz, daß; Damit wird bestätigt, daß; Es ist gut demonstrierbar, daß; д) констатация: Es ist (leicht) festzustellen, daß; Wir können somit konstatieren, daß; е) экспликация: Das bedeutet (besagt), daß; Damit ist gesagt, daß; ж) обозначение сферы действия положения: Es ist einzuräumen, daß; Generell gilt zunächst, daß.

Операции по формулированию выводов: Auf Grund dieser Darlegungen gelangt man zu dem Schluß, daß; Wir können also zusammenfassen, daß.

Операции, выходящие за рамки исследования, по формулированию новых вопросов на основе полученных выводов, стимулирование к учету полученных выводов: Abschließend seien zu einem Problem einige Fragen gestellt, die wir hier nicht beantworten können: wie groß ...; Es ist zu erwarten, daß die Resultate dieser Forschung...

СППизъяс могут служить также для маркировки сопряженных мыслительно-речевых операций, когда, например, в одной главной части выражается гипотеза как исходный пункт или задача исследования как вывод. Имеется ряд мыслительно-речевых операций, которые сами по себе не могут конституировать текст, а только «сопровождают», «обслуживают» элементарные операции и возникающие в результате компоненты текста. Сюда относятся оценочно-модальная квалификация; смысловая акцентуация, добавление; прогнозирование реакций, ожиданий читателя и их подтверждение или корректировка со стороны автора текста; возвращение к уже сформулированному.

Фрагменты текста, отражающие различные мыслительно-речевые операции, имеют различные функции в рамках всего текста: сообщение известного, формулирование гипотезы, экспликация и т. д. Рассмотрение СППизъяс в составе фрагментов текста, выполняющих определенные текстовые функции, позволяет полнее описать структурно-семантические особенности СППизъяс. Поскольку многие исследователи гипотаксиса находили в главной части СППизъяс в первую очередь структурный центр сложного предложения, основное внимание уделялось тем компонентам, которые принимают участие в осуществлении связи между главной и придаточной частями: изъяснительным словам, коррелятам, союзам и союзным словам, грамматическому оформлению частей как средству связи. При рассмотрении СППизъяс как составляющих текста обнаруживается функциональная релевантность и других компонентов СППизъяс, не являющихся структурно необходимыми по отношению

к предикату, напр.: früher, oben, schon, obengenannt, obenerwähnt; прошедшее время (Perfekt, Präteritum, Plusquamperfekt). Они характеризуют фрагменты с текстовой функцией возвращения к уже сформулированному: Wir haben bereits oben darauf aufmerksam gemacht, daß; In den vorausgehenden Kapiteln haben wir versucht zu zeigen, daß. Фрагменты с текстовой функцией сообщения известного содержат семантические компоненты «предшествующий моменту речи», «длящийся во времени», «охватывающий широкий круг лиц», в связи с чем соответствующие главные части СППизъяс могут включать лексические единицы типа bereits, längst, alt (eine alte Erfahrung), allgemein, подчеркивающие данную функцию: Längst ist bekannt, daß; Allgemein wird anerkannt, daß.

В рамках функционально-семантического подхода необходимо объяснить употребление линейных вариантов СППизъяс. В большинстве грамматик немецкого языка приводятся два линейных варианта СППизъяс: с главной (первый вариант) и с придаточной (второй вариант) частью на первом месте. Однако в них не указывается, в каких случаях употребляется первый или второй вариант. Между тем оба варианта отличаются не только эмоциональной окрашенностью, но и наличием /отсутствием ударения на придаточной части [3, с. 116]. Во втором варианте предполагается осуществление смыслового замещения по отношению к левостороннему контексту (замещаться может также смысл, presupponированный левосторонним контекстом). Функцию замещения выполняет придаточная часть СППизъяс, а само замещение происходит в том случае, когда между предложением с daß (т. е. заместителем) и замещаемым смыслом имеется некоторая дистанция или если придаточная часть является началом нового абзаца, сноски [8, с. 80—81]: Der Satz(d) ist nicht ohne erhebliche Störung ... eliminierbar, während Satz (f) ausgelassen werden kann, ohne daß sich dadurch eine Störung ... ergibt. ... Daß Satz (f) eliminierbar ist (vgl. Beobachtung 13 a), kann nicht lediglich durch die Tatsache erklärt werden, daß ... (H. Isenberg). Этим смысловое замещение с помощью придаточного предложения отличается от замещения с помощью местоимений das, dies, которые требуют контактной позиции по отношению к замещаемому.

Линейные варианты СППизъяс различаются частотой употребления: некоторые лингвистические тексты не содержат ни одного СППизъяс с препозицией придаточной части, но включают в свой состав одновременно десятки СППизъяс с придаточной частью в постпозиции. Если в научной литературе текстовые функции, выраженные двумя вариантами СППизъяс, встречаются довольно часто, то выражение текстовых функций только вторым вариантом СППизъяс невозможно. В этом случае вся предметная информация текста была бы представлена его автором как данная, и задача текста состояла бы в том, чтобы квалифицировать эту информацию как известную, как гипотезу, вывод и т. д. Выведение как процесс в таком тексте отсутствовало бы, а следовательно, он не являлся бы научным в обычном понимании. Подтверждением этому слу-

жит тот факт, что СППизъяс с придаточной частью в препозиции маркируют в научных текстах ограниченное количество текстовых функций: экспликацию, демонстрацию положений, установление причинно-следственных отношений, авторизацию, указание на известное и др. Наиболее употребительными изъяснительными словами в данном варианте СППизъяс являются *zeigen, sich zeigen, erklären, sich erklären, heißen, besagen, hervorgehen, (damit) zusammenhängen, (daran) liegen, führen, implizieren, seinen Grund (darin) haben, beweisen* и др.

Таким образом, рассмотрение СППизъяс в составе фрагментов с определенными текстовыми функциями позволяет более полно раскрыть ряд структурно-семантических свойств СППизъяс, которые остаются нераскрытыми в рамках парадигматико-классификационного подхода.

Список литературы: 1. Белошапкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке (некоторые вопросы теории). М., 1967. 160 с. 2. Богданов В. В. Роль вторичной предикативности в построении связного текста. — В кн.: Семантика и прагматика синтаксических единств. Калинин, 1981, с. 5—13. 3. Гулыга Е. В., Натанзон М. Д. Синтаксис современного немецкого языка: Практический курс. М.; Л., 1966. 226 с. 4. Москальская О. И. Аранжировка предложений в тексте и проблема подчинения. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1980, 39, с. 521—530. 5. Прокопчук А. А. Авторское прогнозирование ожиданий воспринимающего и построение речевых произведений. — В кн.: Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин, 1983, с. 114—122. 6. Троянская Е. С. Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. М., 1982. 312 с. 7. Эйхбаум Г. Н. О синонимии инфинитивных групп и придаточных предложений в современном немецком языке. — Вспр. германской филологии, 1969, вып. 2, с. 179—191. 8. Harweg R. Zur Textologie der daß — Sätze. — Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik, 1972, N 1, S. 77—97.

Поступила в редколлегию 01.11.83.

О. А. РАССКАЗОВА

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ВОЗВРАТНОГО ЗНАЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Попытаемся системно представить разноуровневые средства выражения категории возвратности (рефлексивности), раскрыть ее внутренние структурные и семантические особенности на основе положения о полевого принципе организации языковых категорий. Разнохарактерность средств выражения рассматриваемого значения позволяет подходить к возвратности как к функционально-семантической категории. Поэтому представляется правомочным сочетание семного анализа с методом полевого анализа при исследовании функционально-семантической категории, организованной по принципу поля. Использование компонентного анализа позволяет вскрыть взаимосвязь единиц разных уровней, проследить за динамикой плана выражения языка.

Поскольку анализу подлежат местоименные конструкции, наличие в их семантической структуре общей категориальной семы возвратности в абсолютном большинстве случаев определяется отдельным неударным местоимением *se* (*se* + глагол). Однако в некоторых случаях для отнесения исследуемой конструкции к определенному типу необходим подробный анализ ее семной структуры. Основная роль в усилении или ослаблении возвратного значения принадлежит семе «центробежное действие» [1, с. 228]. Расположение этой семы по отношению к другим и определяет уровень возвратности, обращения действия непосредственно на себя полностью или частично: *il se lave* или косвенно: *il se lave les mains*. Степень сочетаемости семы «центробежное действие» с семой «центростремительное действие» [1, с. 228] характеризует степень рефлексивности конструкции взаимного (реципрокного) действия: *ils se regardent*, которое также может быть прямым: *ils s'aiment* или косвенным: *ils se nuisent*.

В отдельных случаях для установления принадлежности местоименной конструкции к числу средств выражения функционально-семантической категории возвратности необходимо изучить условия контекста, например, при установлении формы «состояния возвратности», когда присутствует лишь имплицитная (контекстуальная) рефлексивность. Компонентный анализ устанавливает различие в семном составе, поскольку под влиянием контекста происходит усиление действия одних сем и ослабление других.

Рассматриваемые нами местоименные конструкции условно разделяются на эксплицитные и имплицитные средства выражения рефлексивности в современном французском языке. К эксплицитным средствам выражения возвратности относятся структурно-соотносительные возвратные глаголы и глаголы реципрокного значения, выполняющие «первичную функцию местоименной формы» [2, с. 226]. Е. А. Реферовская и А. К. Васильева объединяют этот тип глаголов в «рефлексивный залог» [8, с. 208—210], а М. Гревис определяет их как «*verbes pronominaux réfléchis*» [5, с. 690—692]. Семантически примыкают к структурно-соотносительным возвратным глаголам различные лексические конструкции, включающие значение возвратности и являющиеся функциональными синонимами данному грамматическому типу: *prendre soin de sa petite personne, de son individu*.

Структурно-соотносительные возвратные глаголы обнаруживают следующий состав сем: 1) процессуальность; 2) центростремительное действие; 3) центробежное действие; 4) эксплицитная связь с лицом; 5) активность грамматического субъекта; 6) аффицированность субъекта. Данный тип возвратных глаголов имеет две конструкции: прямо-возвратную *elle se peigne* и косвенно-возвратную *elle se peigne les cheveux*. Признаками возвратного значения являются: а) возможность замены местоимения *me, te, se* формой *moi, toi, lui* (-même) с предлогом или без него; это могут быть взаимно-обратимые конструкции: *se dire — dire à soi-même, s'admirer — ad-*

mirer soi-même и др. с параллельно употребленными неударной и ударной формами местоимений: «Je sais combien il en coûte de se former soi-même» [9, с. 133], а также конструкции, в которых ударная форма местоимения в поствербальной позиции не имеет коррелята в форме глагола с неударной формой *se* в предвербальной позиции: *pivoter sur lui-même, lutter contre soi-même* и др.: «Je t'en prie, dit-il, veille sur toi» [3, с. 110]; б) возможность употребления обстоятельств типа *volontairement*, подчеркивающих активность субъекта: *il s'est blessé volontairement* [2, с. 226]. К типу структурно-соотносительных возвратных глаголов мы относим также средневозвратные глаголы, которые выполняют функцию активного залога [2, с. 227]. Глаголы типа *rendre — se rendre, retourner — se retourner, lever — se lever* имеют набор сем, идентичный указанному выше типу конструкций.

Значение возвратности эксплицитно выявляется и во многих лексико-семантических глагольных конструкциях, которые являются функционально-синонимичными для собственно-возвратных глаголов и находятся на периферии данного микрополя: *se raviser — changer d'avis — revenir sur sa décision* [7, с. 1614]. Напр.: «... elle lui tourna le dos et regarda à travers la vitre... quand elle se retourna, il vit son visage...» [3, с. 16]. Параллельное употребление лексической и грамматической формы наглядно демонстрирует рефлексивный характер выражения *tourner le dos à qn*.

Характеризуя глаголы, имеющие взаимное значение, следует отметить наличие во французском языке таких конструкций, которые имеют постоянную реципрокную семантику: *s'aimer, se dire adieu, se quereller*, т. е. собственно взаимные глаголы, а также взаимные глагольные варианты: *je te comprends, tu me comprends, nous nous comprenons*. Последние могут иметь созвучные не взаимные формы. Реципрокное значение часто подкрепляется местоимениями *l'un l'autre, l'un à l'autre, les uns les autres, entre eux*, наречиями *mutuellement, réciproquement*, префиксом *entre*: *s'entraider* («Ils s'entre-regardèrent un instant») [4, с. 513].

Состав сем конструкций данного типа обуславливает процессуальность, центробежное действие, центростремительное действие, активность грамматического субъекта, аффицированность субъекта, множественное число. Наличие противоположных сем объясняется тем, что каждый субъект действия является одновременно объектом того же или встречного действия.

Среди конституентов функционально-семантической категории возвратности, оформленной по принципу поля, есть средства, менее насыщенные дифференциальными признаками доминанты. Для некоторых из них выражение значения рефлексивности является неявным, контекстуальным, порой едва уловимым, насаивающимся на другие типы значений. Вместе с тем эти средства дифференцируются по своей близости к ядру или удаленности от него. Основопологающим критерием такой дифференциации, предопределяющим позицию конституента, является степень его насыщенности призна-

ками доминанты. По степени приближенности к доминанте имплицитные средства выражения возвратности располагаются в следующем порядке: формально-возвратные глаголы, формы состояния возвратности, возвратно-пассивные глагольные конструкции.

Формально-возвратные глаголы включают структурно-несоотнесительные возвратные глаголы и формально-возвратные глагольные варианты. Структурно-несоотнесительные возвратные глаголы не имеют структурных соответствий среди невозвратных глагольных форм и не соотносятся с переходными глаголами. В. Г. Как отмечает, что данная местоименная форма выполняет асемантическую функцию [2, с. 228]. В этом случае морфема *se* десемантизируется, так как она утрачивает связь с выражением субъектно-объектных отношений. Поскольку она выполняет функцию форманта, глагол без нее не употребляется: *s'évanouir*, *s'emprayer*, *s'écrouler* и др. Некоторые конструкции образовались от глаголов движения, которым предшествовало наречие *en*: *s'en aller*, *s'en retourner*, *s'envoler*, *s'enfuir* и др. Эти глаголы М. Гревис называет «*essentiellement pronominaux*» [5, с. 694]. Семный состав данных глаголов указывает на процессуальность, эксплицитную связь с лицом, активность грамматического субъекта, центробежность действия. Сема «аффицированность грамматического субъекта» имеет здесь окказиональный характер и реализуется лишь у некоторых структурно-несоотнесительных возвратных глаголов. У глаголов типа *s'avérer*, *se passer* отсутствует сема «эксплицитная связь с лицом».

К подгруппе формально-возвратных глагольных вариантов относятся рефлексивные конструкции, имеющие созвучные формы без возвратного местоимения. Тем не менее эти глаголы не следует смешивать с описанными выше структурно-соотносительными возвратными глаголами, которые тоже могут употребляться без *se*. Основное различие между данными конструкциями состоит в смысловом расхождении при употреблении формально-возвратных вариантов без *se*: *se mourir* — *mourir*; *se rendre* — *rendre*; *se rire de* — *rire*; *s'apercevoir de* — *apercevoir*; *se douter de* — *douter*; *s'attendre à* — *attendre*.

В структурно-соотносительных конструкциях значение слова остается неизменным. В формально-возвратных вариантах речь идет о совершенно различных глаголах, не попадающих под указанные выше условия структурно-семантической соотносительности. «Местоименная форма выполняет дистинктивную функцию, различая значение глаголов» [2, с. 228]. Напр.: «*Il ne se doute de rien, il ne soupçonne pas qu'il est perdu...*» [4, с. 423].

Формально-возвратные варианты обнаруживают следующий состав сем: процессуальность, центростремительное действие, центробежное действие, активность грамматического субъекта. Сема «аффицированность субъекта» носит так же, как и у структурно-несоотносительных возвратных глаголов, окказиональный характер.

Формы состояния возвратности носят номинальный характер. Они могут быть образованы как от структурно-соотносительных, так и от формально-возвратных глаголов: *je suis lavé, te voilà peigné. «Rien n'avait pu les séparer et s'il leur était arrivé de rester des semaines sans se voir ils se savaient unis»* [10, с. 114]. Наряду с причастием возвратного глагола к глаголу-связке могут относиться прилагательные, наречия, существительные. Семный состав данного типа конструкций обуславливает законченность действия, результативность состояния, активность субъекта, аффицированность субъекта, центростремительное действие, центробежное действие. Оказиональный характер имеет сема «невывраженность направления действия».

Возвратно-пассивные конструкции расположены в непосредственной близости от внешней черты микрополя рефлексивности, входя в равной мере в микрополе пассивности в качестве его периферийного конституента. В. Г. Гак выделяет два типа конструкций местоименного пассива: трехчленную конструкцию с выраженным агенсом: *L'humidité gâte les fruits — les fruits se gâtent à l'humidité*; двухчленную конструкцию без агенса: *Ce journal se vend partout* [2, с. 227]. В некоторых случаях характер данных конструкций (пассивный или рефлексивный) может быть определен лишь по контексту: *Cet ouvrier est tombé du toit, il s'est tué* (пассив); *Cet ouvrier s'est tué d'un coup de pistolet* (рефлексив) [6, с. 224]. Выделяется следующий набор сем: процессуальность, имплицитная связь с лицом, центробежное действие, возможность центростремительного действия.

Список литературы: 1. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976. 244 с. 2. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 1979. 297 с. 3. Camus A. La peste. М., 1969. 334 p. 4. Du Gard M. Les Thibault. М., 1956. 624 p. 5. Grevisse M. Le bon usage. Р., 1980. 1512 p. 6. Lanusse et Yvon. Grammaire française. М., 1937. 260 p. 7. Petit Robert. Dictionnaire de la langue française. Р., 1979. 2172 p. 8. Réferovskaia E. A., Vassiliev A. K. Essai de grammaire française. М., 1982. 396 p. 9. Sabatier R. Le Chinois d'Afrique. Р., 1980. 412 p. 10. Simenon G. Le voyageur de la Toussaint. Р., 1977. 207 p.

Поступила в редколлегию 06.10.83.

В. И. СКИБИНА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АВСТРАЛИЙСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Опыт лексикографической работы в области австралийского национально-регионального варианта английского языка (AuE) и лингвистические исследования его особенностей на лексическом уровне обуславливают лексикографическое описание динамики развития AuE в плане исторической лексикографии. Цели, задачи, принципы составления словарей этого типа наиболее полно отражают

проблемы, которые стоят перед австралийскими лексикографами. Они заключаются в необходимости регистрации всех лексических единиц, когда-либо проявивших своеобразие, путем экспликации процессов функционирования, их трансформации или неизменности (в любом аспекте), устаревания, отмирания, расширения сферы употребления каждого слова или значения с указанием точной даты происшедших изменений. Подготовка материалов исторического словаря и его составление позволит одновременно решить ряд общелингвистических задач: уточнить периодизацию в развитии AuE, дать четкую характеристику каждого периода и социально-стилистическую интерпретацию в терминах того периода, когда лексическая единица была в активном словаре носителей языка (для историзмов и архаизмов) или показать ее изменения в процессе развития (имеются в виду как австрализмы,* так и лексические единицы инвариантного ядра).

Однако при составлении исторического словаря AuE необходимо решить специфические для региональной лексикографии задачи: показать, как язык адаптировался к новым условиям функционирования; установить соотношение общеанглийских лексических единиц и австрализмов, а также употребительности лексических единиц в AuE и других национально-региональных вариантах английского языка; выявить своеобразие социальной дифференциации лексических единиц в AuE; эксплицировать и документировать особенности исторического развития и современного состояния лексической системы AuE.

В истории австралийской лексикографии уже имеется определенный опыт создания словарей на исторических принципах (Austral English Э. Мориса, приложение к первому изданию словаря Н. Уэбстера и словарь коллоквиализмов Дж. Уилкса). Тем не менее ни в одном из них лексическая система AuE еще не описана в полном объеме.

Разработка принципов создания исторических словарей имеет давнюю традицию, в которой на первый план выступает преемственность. Ф. Пассов еще в 1812 г. изложил основные идеи исторической лексикографии [5], которые в дальнейшем послужили основой для выработки концепций Большого Оксфордского словаря. «Словарь, — подчеркивает Ф. Пассов, — должен показать историю жизни каждого конкретного слова в соответствии с удобным и ясным порядком их организации; он должен сообщать, где и когда каждое слово (конечно, в известных нам пределах) могло быть впервые обнаружено, какие изменения претерпело как со стороны формы, так и со стороны значений и, наконец, к какому времени оно возможно выйдет из употребления и будет заменено или вытеснено другим словом. Иначе говоря, не претендуя на роль законодателя,

* Под австрализмом понимается «слово, устойчивое словосочетание или значение, возникшее на австралийской почве или характерное для австралийской речевой практики» [2, с. 113].

вмешивающегося, предписывающего или запрещающего, важно аккуратно изложить то, что найдено и, где необходимо, дать адекватное подтверждение тому, что найдено» [9, с. 28].

Во введении к Большому Оксфордскому словарю, написанном Дж. Мурреем, принципиально новых положений нет, а лишь детализируются основные принципы Ф. Пассова в приложении к особенностям английского языка. Акцент в нем делается на необходимость регистрации истории развития каждого слова во всех трансформациях, прослеживаются наиболее ранние этапы с приведением соответствующих цитат.

Дальнейшее развитие англоязычная историческая лексикография получила в работах Н. Уэбстера. В них появился ряд новых аспектов, требующих внимания лексикографа: необходимость отразить в словаре общность с ВЕ наряду с вычленением существующих различий и учетом своеобразия условий функционирования языка на новой почве. Основной целью словаря такого типа Н. Уэбстер считал стандартизацию языкового употребления АЕ, что противоречило ранее изложенному подходу. Однако в процессе работы над словарем ему во многих случаях пришлось следовать регистрирующему, а не предписывающему методу. Следовательно, целью всех изданий Оксфордского словаря и словаря Н. Уэбстера была «... регистрация способов употребления языка в прошлом и настоящем (включая социальную дистрибуцию слов, значений и произношения)» [7, с. 5].

В отечественной лингвистике теоретическое обоснование принципов построения исторического словаря предложил Л. В. Щерба в шестом противопоставлении «неисторический словарь — исторический словарь». «Историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, — пишет он, — который давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи, причем указывалось бы не только возникновение новых слов и новых значений, но и их отмирание, а также их видоизменение (...) Вопрос осложняется еще и тем, что слова каждого языка образуют систему (...), и изменение их значений вполне понятно только внутри такой системы; следовательно, исторический словарь должен отражать последовательное изменение системы в целом» [4, с. 117].

Последнее положение Л. В. Щербы появляется в теории исторической лексикографии впервые и безусловно носит принципиальный характер, придавая историческому словарю целостный завершенный вид. Вместе с тем, данное положение выдвигает целый ряд новых сложных проблем, которые получили дальнейшее развитие в работах советских лингвистов. Разработка положений исторической лексикографии проводится параллельно в двух направлениях. Во-первых, определяются цели и принципы построения исторических словарей, уточняется само понимание словаря такого типа; во-вторых, определяются хронологические границы словаря, способы разработки толкований, принципы описания единиц раз-

личных лексических слоев, структуры словарной статьи, расположения значений, источников фактического и иллюстративного материала, определения состава словника и др. Примером комплексного решения задач исторической лексикографии является проект словаря русского языка XVIII в.

Применение достижений англоязычной исторической лексикографии и теоретических положений, разработанных советскими лингвистами, к материалу АиЕ дает вполне определенное решение в отношении хронологических границ исторического словаря АиЕ. Он должен охватить период с 1788 г. (прибытие в Австралию первых европейских поселенцев) до наших дней. Такой временной подход позволит решить следующие задачи. Дать целостную картину развития лексической системы АиЕ на протяжении всей его истории; проследить системные связи внутри лексической системы; соотнести возникшие инновации с лексемами ВЕ без временных разрывов, учитывая последовательность прошедших изменений; эксплицировать закономерности развития лексической системы АиЕ.

Создание исторического словаря АиЕ стало насущной необходимостью, ибо со временем усложняется задача его лексикографического описания. Необходимость же выбора в качестве точки отсчета самых ранних этапов диктуется прежде всего тем, что австралийские инновации по преимуществу развились путем трансформации британского лексического материала, обуславливая неизбежность опоры на особенности транспортированного в Австралию английского языка. При подготовке исторического словаря необходимо предварительное теоретическое рассмотрение следующих вопросов: определение круга источников, особенностей фонетической характеристики и презентации орфографических вариантов; разработка принципов расположения вводов, приемов семантизации значений и их оттенков, особенностей стилистической характеристики, этимологических данных; уточнение количества цитат и их расположение, а также структуры словарной статьи.

Определим круг источников фактического и цитатного материала. Поскольку специфика исторической лексикографии заключается в отражении письменной формы бытования слова, исторический словарь может строиться исключительно на письменных памятниках. Для национальных языков с многовековой историей развития большую сложность представляет сама проблема поисков письменных документов определенной эпохи. Для региональной лексикографии этой сложности нет, так как у национально-региональных вариантов не было дописьменного периода развития. Однако при выборе источников имеются определенные трудности. Они заключаются в особенностях развития национальной литературы и наличия определенного периода, характеризовавшегося лингвистической ориентацией на литературные образцы метрополии. Так, А. С. Петриковская, анализируя австралийскую литературу, относит рождение национально-самобытной литературы к концу прошлого — началу нынешнего века [1, с. 3].

Литературные произведения, издававшиеся в Австралии до этого периода, были написаны на ВЕ и, следовательно, они не могут служить источником для исторического словаря АuЕ. В качестве письменных памятников — источников словника, таким образом, должны использоваться литературные произведения, написанные в национальной австралийской традиции, под которой понимается не только использование определенного набора австрализмов, но и знание самой Австралии, характерного для нее образа жизни, обычаев, нравов и т. п. [6, с. 10], что предопределяет знание особенностей функционирования лексических единиц в национально-специфическом контексте. В связи с тем, что литература ранних периодов развития АuЕ не может служить источником словаря, целесообразно привлекать при составлении картотеки данные исторических документов, частной и деловой переписки, мемуарной литературы соответствующего периода, а также лексикографических изданий и трудов выдающихся политических деятелей. Круг источников должен быть достаточно широким, охватывать различные по литературным жанрам памятники, представляя картину языкового состояния АuЕ раннего периода объективной. Это и потому, что так называемый колониальный период характеризуется образованием основной массы австрализмов [8, с. 45]. Важным источником отбора лексики второй половины XIX в. является пропагандировавший «язык буша» журнал «Bulletin».

Для последующих периодов принцип отбора источников вполне традиционен: в них должны быть представлены образцы речи всех слоев общества, всех территориальных разновидностей. Текстовый материал должен иметь различную функциональную направленность и жанровую природу.

Список литературы: 1. Австралийская литература / Под ред. А. С. Петриковской. М., 1978. 176 с. 2. *Почепцова Л. Д.* Австралийские флористические названия. К., 1973. 125 с. 3. Словарь русского языка XVIII века. Проект / Под ред. Ю. С. Сорокина. Л., 1977. 63 с. 4. *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1940, вып. 3, с. 89—117. 5. *Aarsleff H.* The Early History of the Oxford English Dictionary. — In: Bulletin of the New York Public Library, 1962, 66, p. 432. 6. *Brown C.* Writings for Australia. A Nationalist Traditions in Australian Literature? Melbourne, 1956. 56 p. 7. *Mc David R. I.* Opening Remarks. — In: Lexicography in English, 1973, p. 5—7. 8. *Ramson W. S.* Nineteenth-Century Australian English. — In: English Transported. Essays on Australian English, 1970, p. 32—48. 9. *Wells R. A.* Dictionaries and the Authoritarian Tradition. A Study of English Usage and Lexicography. Hague — Paris, 1973. 129 p.

Поступила в редколлегию 23.11.83.

К ПРОБЛЕМЕ КАТЕГОРИИ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Средства выражения волеизъявления представляют собой функционально-семантическую категорию [2, с. 5], которая характеризуется полевой структурой. Данная категория — это система разнородных языковых средств, способных взаимодействовать для выражения категориального значения [4]. «Описание функционально-семантического поля, — подчеркивает А. В. Бондарко, — предполагает прежде всего структурирование данного поля в системе языка» [1, с. 56—47].

Ядром макрополя волеизъявления является повелительное наклонение, поскольку оно сосредоточивает специальные средства выражения содержания, свойственного данной функционально-семантической категории. В силу специфики макрополя волеизъявления представляется правомерным выделение в поля особого положения контекста и интонации, так как только благодаря им возможно выражение всех модальных оттенков волеизъявления (приказ, команда, требование, повеление, рекомендация, совет, увещание, просьба, мольба и т. д.), а также оттенков субъективной экспрессии эмоциональных наслоений, сопровождающих волевою речь (категоричность, настойчивость, вежливость, ласка, грубость, угроза, робость, предостережение, подзадоривание и т. д.). Поскольку в английском языке парадигма повелительного наклонения недостаточно ярко и однозначно представлена, роль интонации и контекста особенно важна. Как свидетельствуют Г. Лич и Д. Свартвик, *you* в повелительных предложениях всегда находится под ударением, что релевантно в случаях совпадения форм индикатива и императива (е. g. *You go home*) [8]. Ядерная глагольная форма повествовательного наклонения указывает, например, на принадлежность к данной категории формы «*to*». Без соответствующей интонации (контекста) невозможно определить, какой из модальных оттенков или оттенков субъективной экспрессии эта форма выражает.

Структуру макрополя представим в виде горизонтального и вертикального сечений: по горизонтали расположим микрополя макрополя волеизъявления, по вертикали — их конститuentы. Если рассматривать структуру поперечного сечения макрополя, то следует выделить ядро — императив, за которым следуют другие грамматические, лексико-грамматические средства.

Структура с глаголом *go* подлежит отдельному анализу, так как этот конститuent, будучи очень близким к центру микрополей «призыв» («призыв к совместному действию»), может употребляться в других микрополях как в центре, так и на периферии. В описании структуры поля может быть только относительно соблюдена иерархия критериев рассматриваемого членения [3, с. 217—218], поскольку один и тот же компонент может быть в центре одного микрополя

и на периферии другого. Важным фактором, обуславливающим активность средств выражения волеизъявления и характер сочетаемости, является стиль [5, с. 60].

«Волеизъявление» представляется наиболее полным и точным, так как именно сема волеизъявления присуща как модальным оттенкам побуждения, так и пожеланиям. В конструкциях со служебным глаголом *let*, когда субъектом действия является первое лицо, выражается скорее не побуждение к действию, а желание говорящего что-то сделать.

Непосредственное волеизъявление, обращенное к собеседнику, выражается повелительным наклонением. Категория повелительного наклонения продолжает развиваться и обогащаться, оставаясь актуальной [6]. Изучение любого иностранного языка обычно начинается с повелительного наклонения (*Stand up! Sit down! Open your books*), особенно при проведении игр. Исследования позволяют установить парадигму повелительного наклонения, ее значение и функции, вариантные и периферийные формы, а также определить модальные оттенки.

Анализ дистрибуции данной категории дает возможность определить императивный контекст, наличие которого обуславливает возможность реализации другими грамматическими формами коннотативного значения, т. е. побуждения. Императивный контекст по-разному влияет на парадигматические и синонимические формы. Так, на первые он оказывает влияние в плане дифференциации модальных оттенков с точки зрения усиления (ослабления) грамматического значения. Что касается синонимичных повелительному наклонению форм, то в таких случаях императивный контекст играет решающую роль при реализации побудительного значения.

Проблема текста получает признание как одна из важнейших лингвистических категорий, поскольку языковая система в процессе коммуникации реализуется не в изолированном предложении, а в текстах разного типа и назначения. Е. И. Шендельс подчеркивает, что «... из всех видов целевой установки информации, побуждения, вопроса — наиболее чувствительным к коммуникативным условиям оказывается побуждение, ибо оно обладает наибольшим прагматическим воздействием. Побуждение должно быть сформулировано так, чтобы оно оказывало свое влияние на реципиента, а это зависит от того, кто, к кому, где и как обращается ... некоторые грамматические явления можно понять лишь в границах целого текста или части текста» [7, с. 7—8].

Анализ форм повелительного наклонения подтверждает правомерность утверждения о зависимости употребления данных форм от контекста. Так, в условиях императивного контекста неспециализированные формы глагола, формы других наклонений и неличные формы глагола, а также другие части речи иногда теряют свое денотативное значение, придавая реализуемому коннотативному значению определенные оттенки, добавочные характеристики. Попадая в область побудительной модальности, необычные грамматические

формы придают речи исключительную выразительность, превращая стилистически нейтральное высказывание в эмоционально-экспрессивное. Инфинитив и герундий, например, характеризуются выражением побуждения обобщенного типа — они более категоричны и безапелляционны (е. g. Stop talking). Формы же сослагательного наклонения (вопросительная форма) придают побуждению вежливый характер, особенно в предложениях с присоединительной вопросительной частью (е. g. Close the door after me, would you?).

В устной же речи, благодаря интонации, простая повелительная форма может звучать как вежливая просьба, а вежливое обращение превращается в резкое приказание («Don't»), являясь эмоциональной реакцией на какое-то действие (поступок) и выражая чувство возмущения, раздражения (е. g. Don't talk to me! Don't make a scene!).

В плане межаспектной синонимии различные части речи, будучи связанными в побудительном предложении с глаголом в императивной форме, расчленяются и начинают самостоятельно выражать побуждение. В данном случае в побудительной функции могут быть почти все части речи:

- а) существительное $G \rightarrow + N + \dots$ Attention! This way!
- б) наречие $G \rightarrow + Adv +$ Quietly! Here!
- в) послелог $G \rightarrow + Pp + \dots$ Back! (No, no Angus! Angus, come back! Back!);
- г) междометие $G \rightarrow + Int + \dots$ Hush! Sh! Come on! There, there!
- д) прилагательное $G \rightarrow + Adj + \dots$ Next!
- е) числительное $G \rightarrow + Num + \dots$ three — two, please!
- ж) отрицание $G \rightarrow \dots$ No + ... No!
- з) слово please $G \rightarrow + \dots + please + \dots$ please! [6, с. 14].

Перечисленные безглагольные побудительные высказывания выделяют именно то, как, где, каким образом необходимо выполнить действие либо подчеркнуть лицо или предмет действия.

Таким образом, в масштабах текста раскрываются возможности функционирования различных средств категории волеизъявления, у которых план содержания образует понятия, аналогичные понятиям, выражаемым категориями грамматическими, а план выражения представлен языковыми средствами, относящимися к разным уровням языка.

Список литературы: 1. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983. 208 с. 2. Бондарко А. В. Система времени русского глагола (в связи с проблемой функционально-семантических и грамматических категорий): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1968. 27 с. 3. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976. 255 с. 4. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969. 184 с. 5. Тарасова Е. В. Грамматико-лексическое поле как единицы функционально-семантического сопоставительного анализа. — Вестн. Харьк. ун-та, 1979, № 185. Сер. иностр. яз., с. 57—62. 6. Ушакова В. Т. Повелительное наклонение и его синонимы в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. К., 1968. 16 с.

7. Шендельс Е. И. Некоторые принципы преподавания грамматики. — Иностр. яз. в школе, 1982, № 1, с. 3—9. 8. Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English. L., 1975. 324 p.

Поступила в редколлегию 22.11.83.

И. В. СОЙКО, канд. филол. наук

О СИСТЕМЕ РЕГУЛЯРНЫХ РЕАЛИЗАЦИЙ МОДЕЛЕЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Модели предложений как инвариантные отвлеченные образцы существуют в языковой системе не только в основном виде, но и в системных регулярных реализациях, которые проявляются в каждом языке по-своему [2, с. 28]. Установление операционных правил этих внутримодельных модификаций представляет собой важную ступень описания предложения и позволяет вскрыть его многомерный и динамический характер.

Уточним характер и содержание понятия «регулярные реализации модели предложения» и выявим диапазон его действия применительно к моделям предложений в немецком языке, построенных на основе синтаксической валентности и методологических принципов Г. Хельбига и О. И. Москальской [6, с. 76—87]. Под регулярными реализациями понимаются такие модификации, которые последовательно проходят тот или иной тип предложения, оставаясь в пределах своей модели. При этом имеются в виду не грамматические модификации модели предложения, связанные с изменением переменных признаков и, следовательно, рассматриваемые как парадигматические формы предложений, а регулярные структурно-семантические модификации, которые вносят в предложение новый семантический элемент [1, с. 205].

Условием регулярности структурно-семантических модификаций модели предложения является соответствие значения той или иной реализации обобщенному, типовому значению модели [1]. Однако данную точку зрения нельзя принять, поскольку она предполагает чрезмерную расчлененность формальных моделей, имеющих одинаковый компонентный состав и свое типовое значение. Поэтому целесообразно исходить из «тождества грамматического значения предложения» [2, с. 30], которое является границей или общей предпосылкой существования регулярных реализаций.

Понимая под регулярной реализацией модели предложения структурно-семантическую модификацию, мы имеем в виду не произвольное изменение ее компонентного состава, а изменение, затрагивающее ее обязательные или факультативные структурные члены и не увеличивающее/уменьшающее число моделиобразующих членов. Речь здесь идет прежде всего о «смысловом и формальном усложнении одного из структурных членов модели, остающегося тем не менее равным самому себе с точки зрения его позиции в структурной схеме (модели) предложения» [2, с. 31]. Например, предложение *Den Rasen zu betreten ist verboten* имеет в своей основе

ту же модель, что и предложение *Irren ist menschlich* (Inf cop N)*, но отличается от последнего усложненностью состава инфинитивного компонента.

Кроме усложнения, О. И. Москальская выделяет другие виды модификации (регулярные реализации) в рамках тождества модели предложения. Так, внутримодельная вариантность связана прежде всего с включением/невключением факультативных членов в структурную схему (модель) предложения, напр.: *Er antwortet*. *Er antwortet dem Freund*. *Er antwortet auf den Brief*. *Er antwortet dem Freund auf den Brief*.

При этом количество регулярных реализаций находится в прямой зависимости от количества факультативных членов модели. Модели с обязательными членами, по нашему мнению, также могут иметь количественные варианты при условии альтернативного замещения одной из синтаксических позиций: *Er verspricht uns zu helfen* ($N_1 - V_f - (N_3) - \text{Inf}$); *Er verspricht uns seine Hilfe* ($N_1 - V_f - (N_3) - N_4$).

Важными источниками вариативности в рамках модели предложения являются также субституция и расширение одного или нескольких ее компонентов. Субституция предполагает возможность замещения всех позиций в модели предложения, кроме позиции V_f , словами различных классов, причем правила субституции и ее границы различны для тех или иных моделей и являются одним из дистинктивных признаков модели [2, с. 29]. В отдельных случаях субституцию практически невозможно отграничить от альтернации из-за отсутствия четких критериев. Ср.: *Der Hund ärgert ihn* ($N_1 - V_f - N_4$). *Daß sie nicht kommt, ärgert ihn* ($NS_{\text{даб}} - V_f - N_4$). *Ihn zu sehen ärgert ihn* ($\text{Inf} - V_f - N_4$).

Синтаксический процесс расширения, т. е. установление отношений сочинения между однородными членами, может рассматриваться как один из видов регулярных реализаций, если он касается только тех компонентов, которые предопределены валентностью глагола. Этот процесс может распространяться на любой структурный член модели, в том числе и на конституирующий ее глагол (при условии совпадения валентных характеристик всех глаголов, связанных отношениями расширения).

Во всех описанных выше случаях речь идет «как о варьировании, так и о регулярных реализациях структурной схемы (модели) предложения и применении этих терминов как синонимов» [2, с. 30]. С этим мнением нельзя не согласиться, ибо любая регулярная реализация неизбежно связана с варьированием модели предложения. Вместе с тем очевидно, что понятия вариантности и регулярных реализаций по своему объему не всегда совпадают.

* Здесь N — имя; N_1 — имя в именительном падеже; N_3 — имя в дательном падеже; N_4 — имя в винительном падеже; V_f — спрягаемая форма глагола; *cop* — глагол-связка; $NS_{\text{даб}}$ — придаточное дополнительное предложение; * — ошибочная реализация.

Система регулярных реализаций вместе с характером парадигмы «служит объективным основанием для разграничения структурных схем предложения, сходных внешне, но различающихся по своим грамматическим свойствам и возможностям» [3, с. 75]. Исходя из этого имеется ряд факторов, определяющих существование регулярных реализаций структурных схем предложения.

Рассмотрим прежде всего реализации, обусловленные возможной неполнотой схемы. При этом возникает принципиальный вопрос, можно ли считать регулярными реализациями различные типы конситуативно обусловленных неполных предложений. «Конситуативная неполнота, — указывает Г. А. Золотова, — явление не языка, а речи; в речи же, в контексте, особенно диалогическом, обычно употребление в коммуникативной функции любого компонента любой синтаксической конструкции. Эти компоненты принадлежат языку только в том смысле, что они построены из языкового материала, но вне той или иной схемы предложения они не характерны для одной, определенной схемы, следовательно, не служат ее грамматическим признаком» [1, с. 206]. Несмотря на это существенное возражение, нам представляется возможным квалифицировать данные конструкции как регулярные реализации соответствующих моделей предложения. Такая возможность трактовки заложена в строгом разграничении регулярных реализаций и вариантности на уровне языка и речи [2, с. 160]. К последнему и принадлежат конситуативно обусловленные реализации. Об этом свидетельствует также тот факт, что не каждый структурный член модели может быть опущен в процессе коммуникации, если даже языковой контекст и внеязыковая ситуация обеспечивают необходимые условия для его элиминирования, напр.:

A: Und dein ehemaliger Nachbar?

B: Ich verachte ihn.

B': Verachte ich. *Habe ich immer verachtet.

В ответной реплике местоимение *ihn* не может быть опущено даже при наличии «благоприятных» конситуативных условий, так как его элиминирование нарушило бы грамматичность конструкции.

Рассмотрим еще два продуктивных вида регулярных реализаций, выделяемых Г. А. Золотовой в русском языке и связанных с усложнением предиката: модальный и фазисный. Под модальной реализацией понимается такая структурно-семантическая модификация модели предложения, в которой введением вспомогательного (модального) глагола выражается «внутрисинтаксическое ... модальное отношение субъекта действия к действию» [1, с. 207]. Любое предложение, принимающее модальную реализацию, сохраняет свою исходную модель и способность к образованию парадигматических форм. Ср.: Ich lese (las, werde lesen, würde lesen...). Ich will lesen (wollte, werde/würde lesen wollen).

Исследования свидетельствуют, что система модальных глаголов включает две подсистемы: модализацию и модификацию [5].

В качестве модификаторов модальные глаголы (können, müssen, dürfen, sollen, mögen I, II, wollen, brauchen) выражают отношение грамматического субъекта к процессу, называемому инфинитивной группой, а своей модифицирующей функцией модальные глаголы (können, müssen, dürfen, mögen I, werden, sollen, wollen) указывают на отношение говорящего к связи между грамматическим субъектом и процессуальным действием [5, с. 233].

Исходя из данной классификации, считаем необходимым подразделить модальные реализации модели предложения соответственно на объективно-модальные и субъективно-модальные модификации. Ср.:

- 1) Er ist zu Hause (war, wird / würde zu Hause sein).
- 2) Er wird / muß zu Hause sein (mußte zu Hause sein, wird zu Hause gewesen sein).

Однако независимо от того, к какой подсистеме принадлежит тот или иной модальный глагол, он не может рассматриваться как моделирующий компонент. Модальный глагол усложняет лишь структурный центр предложения, выраженный полнозначным или копулятивным глаголом, и модифицирует модель предложения в структурном и семантическом плане. Данная точка зрения подтверждается тем фактом, что модальные глаголы могут усложнять практически любую модель предложения. Определенные ограничения, не позволяющие усложнить ту или иную модель, связаны, вероятно, с характером субъекта. Так, невозможность реализации *Das Wasser will den Stein höhlen объясняется отсутствием у субъекта семантических признаков +belebt, +hum. Напротив, при усложнении предиката модальным глаголом können получим правильную, вполне возможную реализацию: Das Wasser kann den Stein höhlen.

Таким образом, способность/неспособность модели предложения принять определенный тип модальной модификации может служить дополнительным формальным средством разграничения семантических подтипов моделей предложения, построенных по одной и той же синтаксической модели.

Подобно традиционным модальным глаголам, мы рассматриваем глаголы с ограниченной семантикой типа versuchen, suchen, pflegen, scheitern и др., близкие к вспомогательным глаголам [4, с. 107]. Основная трудность здесь заключается в том, что большинство из этих глаголов может выступать в качестве полнозначных и, следовательно, образовывать собственные модели предложений. Однако их семантические функции и почти безграничную сочетаемость с инфинитивом можно считать достаточным основанием для того, чтобы не включать их в состав конституирующих членов предложения, а признать в качестве модификаторов глагольного действия.

Особого рассмотрения требуют фазисные глаголы, при помощи которых действие (состояние) предмета, выраженное в той или иной

модели, «может быть зафиксировано на одном из этапов, фаз` своего развития» [1, с. 211]. Так, исходная модель «Он говорит» ($N_1 - V_f$) может принять следующие фазисные реализации: «Он начинает говорить, стал говорить, продолжает говорить, кончает (прекратил) говорить».

Г. А. Золотова указывает, что фазисные глаголы по своему значению функционируют как вспомогательные глаголы и поэтому не обладают конструктивными свойствами. Этим, по-видимому, объясняется высокая продуктивность фазисных реализаций в русском языке.

Однако фазисный вид структурно-семантических модификаций не может быть механически перенесен на модели предложений в немецком языке, и связано это прежде всего с той ролью, которую играют семантические классы дуративных, инхоативных и каузативных глаголов для выражения способов глагольного действия. Если в русском языке эти категории реализуются средствами синтаксического и морфологического уровня, то в немецком отсутствуют морфологические способы образования, типичные для того или иного класса [7, с. 95]. Их семантические признаки реализуются в основном синтаксическими средствами [7, с. 95—96]. В эту систему не входят различные лексические реализации типа *zu reden beginnen*, где значение глагола *beginnen* характеризуется определенной самостоятельностью. Как «лексическое слово» этот глагол связан со своим синтаксическим окружением. Что же касается его возможных контактов и порядка следования в предложении, то он проявляет некоторую вариативность, не утрачивая своих существенных признаков [7, с. 99].

Фазисная реализация в немецком языке невозможна еще и потому, что инфинитив знаменательного глагола, осложненный фазисным глаголом, можно заменить отглагольным существительным, предложным сочетанием и даже придаточным предложением, т. е. одна синтаксическая модель реализуется в нескольких альтернативных вариантах. Ср.: *Er beginnt zu erzählen* ($N_1 - V_f - \text{Inf}$) — *Er beginnt die Erzählung* ($N_1 - V_f - N_4$) — *Er beginnt damit, daß er alles erzählt* ($N_1 - V_f - NS_{\text{daß}}$). Такую же вариативность обнаруживают и другие фазисные глаголы: *Er fährt fort zu arbeiten* — *Er fährt mit der Arbeit fort*; *Sie hört auf zu weinen* — *Sie hört mit Weinen auf*. Наличие определенного лексического значения у фазисных глаголов подтверждает также их способность к номинализации: *der Beginn der Erzählung*; *die Fortsetzung der Gespräche*.

Таким образом, приведенные аргументы позволяют рассматривать фазисные глаголы как семантически полновесные лексические единицы, обладающие конструктивными свойствами и поэтому способные образовывать собственные модели предложения. Благодаря своему лексическому значению эти глаголы могут модифицировать глагольное действие в фазисном или временном плане.

Список литературы: 1. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. 349 с. 2. Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1981. 174 с. 3. Шведова Н. Ю. О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого предложения». — В кн.: Мысли о современном русском языке. М., 1969, с. 67—80. 4. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Leipzig, 1977. 629 S. 5. Raynaud F. Die Modalverben im zeitgenössischen Deutsch. — In: Deutsch als Fremdsprache, H. 4, 1976, S. 228—235. 6. Sojko I. W. Satzmodelle mit nicht-realisierter syntaktischer Valenz in der deutschen und ukrainischen gesprochenen Sprache. Diss. A, Leipzig, 1979. 205 S. 7. Steinitz R. Zur Semantik und Syntax durativer, inchoativer und kausativer Verben. — In: Linguistische Studien, H. 35, Berlin, 1977, S. 92—97.

Поступила в рекколлегию 20.11.83.

Е. В. ТАРАСОВА, канд. филол. наук

О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ КОНТРАСТИВНОЙ ТИПОЛОГИИ

Функциональная теория оказала существенное воздействие на совершенствование методики контрастно-типологического анализа языков. Функциональный подход к контрастивной лингвистике, по нашему мнению, соответствует естественным условиям функционирования языков, когда в зависимости от конкретных задач коммуникации говорящий выбирает необходимые средства из языкового арсенала. Грамматические системы различных языков отличаются не столько инвентарем грамматических и других средств, сколько неодинаковой функционально-стилистической значимостью этих средств, сферой их использования и местом в системе языка. Задача характеристики морфологического строя языка с разных сторон в сопоставительном плане выводит исследователя за рамки собственно классификации типологии. Последовательное применение в сопоставлении языков функционального принципа позволяет заменить чисто таксономический, объективистско-созерцательный подход новой методикой, которая гарантировала бы учет не только структурного сходства/различия сравниваемых языков, но и конкретных функциональных реализаций различных языковых форм и моделей. Теоретической основой сравнительного описания языков должны, следовательно, служить теории языковых систем и языковых функций, ибо уровень развития лингвистической науки настоятельно требует, чтобы контрастивное изучение языков лежало в основе не только системно-структурного, но и функционального подхода.

Ведущим принципом функционального подхода к языку, указывает А. В. Бондарко, является описание в направлении «от содержания к формальному выражению», т. е. от семантики к средствам ее выражения. При этом он не без основания подчеркивает, что подход «от семантики к функции», основанный на семантическом единстве при разнообразии в формальном выражении, нацеливает

на поиск нового не только в области функций, но и в области средств. «Диалектика соотношения семантического и функционального такова, что мы постигаем одно через другое, попеременно выступающее на первый план. Это проистекает из-за уникальной способности языка, у которого функциональное и сущностное слиты воедино» [1, с. 75].

Признание функционально-семантического принципа ведущим при сопоставительном изучении языков нашло свое отражение в возрастании роли и значения так называемой контенсивной типологии [4, с. 3], т. е. типологии «содержательной», ориентированной на содержание языковых форм. Контенсивная типология требует решения вопроса о соотношении универсальных и идиоэтнических элементов в содержательной стороне языка и предполагает анализ грамматических форм с точки зрения соотношения в их семантике. Такой подход направлен на сопоставительное изучение и описание закономерностей функционирования языковых форм и конструкций, участвующих во взаимодействии с единицами разных уровней языковой системы в передаче внеязыкового содержания. Поэтому он способен более адекватно отражать важнейшие межъязыковые сходства и различия в плане содержания и выражения.

Функциональная ориентация современной контрастивной лингвистики обуславливает разработку некоторой модели (эталона, единицы измерения), способной эффективно выявлять механизмы контраста в грамматическом строе различных языков, вовлекая в сопоставительный анализ ее важнейшие аспекты — структурные, семантические, функциональные. Грамматический строй языка имеет полевую структуру с подразделением составляющих компонентов внутри каждого поля на ядерные (обычно морфологические) и периферийные, включающие лексико-грамматические, лексические, синтаксические и др. Поля выделяются в языке на основе инвариантного принципа, который проявляется в избрании некоторого понятия (носящего, как правило, характер универсальности) и рассмотрении форм его передачи в языке. Полевая структура в таком понимании означает подход к языку с точки зрения значения, так как именно значение, семантический инвариант выступает основой, объединяющей разнородные компоненты поля.

Использование поля как единицы измерения типологического сходства и различия языков имеет ряд бесспорных достоинств, среди которых немаловажным представляется то обстоятельство, что этот метод позволяет не просто сочетать формальный системно-структурный анализ с семантическим, но и осуществлять сравнение языков прежде всего на функциональной основе. «Функционализм, — отмечает Л. Г. Веденина, — взвалил на себя тяжелую ношу по синтезу двух исследовательских планов: анализа системных отношений в языке и изучение их реализации в речи» [3, с. 82]. Описание же языкового поля и помогает осуществить «проекцию на речь, на высказывание» [2, с. 493], не ограничиваясь простым его структурированием в системах сравниваемых языков.

Исследования показывают, что при общности наиболее существенных признаков полевой организации отдельные языки различаются прежде всего спецификой функционирования своих полей, реализации их конститuentов в высказывании, взаимодействия их друг с другом и элементами других микро- и макрополей. Многоуровневость и разнородность компонентов поля, их вариативность и взаимозаменяемость выступает в качестве его обязательного, классического атрибута. Это позволяет рассматривать поле как динамическое образование, вовлекающее в круг исследования все уровни языка от лексики до стилистики с особым акцентом на функциональной стороне сопоставляемых моделей. Под этим углом зрения поле помогает в известной мере преодолеть распространенную методологическую ошибку сопоставительных исследований прошлого, заключавшуюся в чрезмерном формализме, т. е. одностороннем изучении формы в ущерб значению. В этой связи явно недостаточно освещалась ее функциональная роль в речи, что, естественно, облегчало формальное сопоставление.

Представляется, что исследование взаимодействия между центром и периферией поля во многом способствует раскрытию сложной динамики процессов, происходящих в языке и речи. Важный фактор, характеризующий поле как открытую, динамическую систему, заключается также в своеобразии взаимодействия между его компонентами в каждом языке, когда ядро выступает как центр притяжения для периферийных элементов. Предполагая изучение динамических аспектов языка, поле, рассматриваемое как единица сопоставительного анализа, не является антиподом структурного описания, фиксирующего момент устойчивости. Напротив, полевой принцип лингвистического анализа убедительно демонстрирует относительность противопоставления функционального и системно-структурного подходов, подчеркивая, что структуризацию системы средств выражения определенного значения можно раскрыть только через анализ процесса коммуникации.

Известно, что функциональная типология обеспечивает переход от качественного к количественному характеру исследования. Поле же, выступая в роли эталона сопоставления, обязательно характеризуется количественной определенностью составляющих его конститuentов и, следовательно, позволяет выявить «несовпадение шкал», т. е. характер смещения частотности компонентов при их идентичном (сходном) общем инвентаре, в котором проявляется типологическая специфика сравниваемых языков. Это в свою очередь означает, что поле как системно-функциональная модель действительно «работает», позволяя систематически сопоставлять явления изучаемых языков в существенных отношениях единиц плана содержания и плана выражения, выявлять в каждом языке особенности функционального распределения этих единиц и коммуникативно важные формы.

Актуальность использования полевой методики в контрастивных исследованиях связана и с тем, что поле, которое представляет

собой открытую систему, исторически изменяющуюся и развивающуюся, часто обращает внимание исследователя на такие связи и отношения, которые относятся к строю данного языка и могут быть интерпретированы как типологические импликации. Характер поля как единицы сопоставления языков должен быть, следовательно, «типологически симптоматичным», помогая не только изучать формы проявления общих типологических тенденций контрастирующих языков, но и предсказывать дальнейшие пути их развития.

Список литературы: 1. Бондарко А. В. Принципы построения функциональной грамматики славянских языков. — В кн.: Грамматическое описание славянских языков: Концепции и методы. М., 1974, с. 72—79. 2. Бондарко А. В. Основы построения функциональной грамматики. — Изв. АН СССР, 1981-40, № 6, с. 492—495. 3. Веденина Л. Г. Функциональное направление в со-временном буржуазном языкознании. — Вopr. языкознания, 1978, № 6, с. 79—83. 4. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. 272 с.

Поступила в редколлегию 30.11.83.

Р. Г. ТКАЧЕНКО, канд. филол. наук

К ПРОБЛЕМЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ АУТЕНТИЧНОЙ И ОТРАЖЕННОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Рассмотрим один из основных способов передачи прямой речи в ее отношении к отраженной разговорной речи (ОРР) и аутентичной разговорной речи (АРР). Для этого определим основные понятия, используемые в работе. Синтаксическая конструкция прямой речи (СКПР) — сложное синтаксическое образование с особым характером предикативности (наличие двух предикативных центров) и коммуникативности (транскоммуникативности). Компоненты СКПР — авторский ввод (АВ) и прямое высказывание (ПВ) — обнаруживают ряд подтипов. Выделяются следующие основные типы АВ: 1) по синтаксической структуре — простой, сложный и осложненный, представленные соответственно простым нераспространенным, простым распространенным и сложным предложениями; 2) по основным позициям АВ относительно ПВ — препозитивный, интерпозитивный, постпозитивный; в зависимости от синтаксической структуры прямого высказывания различают простое ПВ, представленное простым или сложным предложением, и сложное ПВ, представленное сложным синтаксическим целым.

Структурно-семантический центр СКПР — элемент, вводящий ПВ, представляемый обычно глаголом. Внутри класса глаголов ввода выделим два больших подкласса: 1) глаголы, передающие значение говорения эксплицитно; 2) глаголы, выражающие это значение имплицитно в определенных контекстуальных условиях.

Сопоставительный анализ функционирования СКПР в АРР и ОРР проводился по следующим параметрам: синтаксической

структуре АВ, синтаксической структуре ПВ, соотносительным позициям АВ и ПВ, количеству глаголов ввода, а также по их семантической и морфологической характеристикам. Общий объем выборки составил 2000 СКПР (по 1000 на каждую разновидность разговорной речи).

Данные сопоставительного анализа позволяют обнаружить кардинальные различия в исследуемой группе глаголов в АРР и ОРР. Эти различия прежде всего касаются общего числа глаголов ввода. Если в выборке из ОРР вводятся 106 глаголами, то при таком же объеме выборки в АРР зафиксировано 12 глаголов, т. е. количество глаголов ввода в ОРР превышает их число в АРР почти в десять раз. При увеличении объема выборки число глаголов, вводящих ПВ в ОРР, возрастает до 400, в то время как в АРР оно остается неизменным. Второе различие связано с частотностью употребления глагола *to say*, который, несмотря на большое разнообразие глаголов ввода, является наиболее типичным специализированным средством введения ПВ в ОРР (63 %). В АРР употребительность *to say* значительно выше.

Наиболее интересные данные относятся к семантической характеристике глаголов ввода. Если в ОРР подкласс глаголов с имплицитным значением говорения содержит меньше глаголов, чем подкласс эксплицитных глаголов, то в АРР подкласс глаголов, передающих значение говорения имплицитно, полностью отсутствует.

Анализ исследуемого явления свидетельствует о возможности становления новых явлений в письменной речи. Мы согласны с мнением М. Пей, который указывает на постоянное взаимодействие двух основных форм объективного существования языка: письменной и устной.* Применительно к нашей конструкции развитие целого класса глаголов с имплицитным значением говорения возникло именно в ОРР и на современном этапе развития языка остается только ее достоянием.

Существенные различия наблюдаются и при анализе морфологического характера глаголов ввода: в ОРР глагол ввода в 95 % случаев употребляется в *Past Indefinite*. Частота появления глагола ввода в *Present Indefinite* не превышает 2% от общего числа случаев. В АРР наиболее характерным является использование глагола ввода в *Present Indefinite*. Его удельный вес по нашим данным составляет 56 %.

Но наиболее существенными оказались различия в соотношении основных позиций АВ и ПВ, которые проявились в том, что, хотя в обоих вариантах РР в принципе возможно употребление всех основных позиций АВ, выбор наиболее частотных позиций оказался диаметрально противоположным. Для СКПР в ОРР наиболее частотной позицией является постпозиция (75 %), наименее употребительной в настоящее время — препозиция (10 %). В то же время именно препозиция в АРР не только наиболее употребительна,

* См.: *Pei M. The Story of the English Language*. N. Y., 1972, p. 40.

но и служит практически единственной позицией АВ (ее удельный вес составляет 98 %).

Исходя из принципов материалистической диалектики о взаимопроникновении категорий количества и качества существование значительных количественных различий в основных параметрах АРР и ОРР дает основания говорить о качественных различиях. Если в ОРР, где 95 % глаголов ввода употреблены в форме Past Indefinite, событие говорения вводится в контекст прошлого, то АРР, где в 56 % вводящий глагол имеет форму Present Indefinite, акт говорения является достоянием настоящего. Что касается позиционных моделей, то стойкая препозиция АВ в АРР, при которой авторский ввод служит сигналом введения ПВ и его преимущественная постпозиция в ОРР создают различные типичные синтаксические модели СКПР в ОРР и АРР. Существенные различия обнаруживаются и в сфере ПВ. В ОРР соотношение простых и сложных ПВ практически одинаково (52 % и 48 %). В АРР единственным типом прямого высказывания является простое ПВ (98 %).

Таким образом, различия в способах введения ПВ касаются различных сторон СКПР (характера глагола ввода, структуры ПВ и АВ, соотношения позиций АВ и ПВ) и носят не только количественный, но и качественный характер.

Для окончательного ответа на вопросы, стоящие перед современной коллоквиалистикой, носят ли различия между АРР и ОРР только количественный или качественный характер и что может служить материалом для исследования этого ограниченного участка синтаксиса, конечно, недостаточно. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что ОРР недостаточно надежный источник изучения разговорной речи, хотя сам характер отражения АРР и ОРР представляет теоретический и практический интерес для языкознания.

Поступила в редколлегию 24.10.83

Т. М. ТИМОШЕНКОВА, канд. филол. наук

РОЛЬ СВЯЗОЧНОГО ЭЛЕМЕНТА В СЕМАНТИЧЕСКОМ И ФОРМАЛЬНОМ ВАРЬИРОВАНИИ НОМИНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Семантическое варьирование в пределах одной языковой единицы проявляется в определенном наборе значений, выражаемых данной единицей, т. е. в ее полисемантической. Формальное варьирование предусматривает возможность замен тех или иных элементов в различных условиях лингвистического или ситуативного контекста, при которых языковая единица, приобретая известные смысловые или стилистические оттенки, не меняет своего основного категориального значения. Семантическое и формальное варьирование номинальной модели реализуется как по линии именного, так и глагольного компонента.

В номинальной конструкции основная смысловая нагрузка лежит на именном компоненте, однако из этого не следует, что глагольный компонент в таких конструкциях семантически нейтрален. Наряду с «классическим» связочным глаголом *to be*, в номинальных конструкциях широко используются другие связки. Они сохраняют семантические корреляции с соответствующими полнозначными глаголами и благодаря этому используются в качестве индикатора различных типов отношений между подлежащим и сказуемым, служат средством передачи ряда семантических и грамматических значений, а в ряде случаев определяют стилистическую маркированность предложений.

Традиционно глагольные связки подразделяются на три основные категории: связки со значением существования признака — *seem, play, work(as), serve (as), appear* (в значении «выглядеть»): *A Dane acted as my interpreter (Kent). And you would be a king, sir, you must play the leader (Bolt)*; связки со значением сохранения признака — *stay, remain, continue, keep, etc.*: «*You'll stay an executive assistant until you rot*» (Hailey). *Anne remained the attentive listener as Neely poured out her entire diatribe of woe (Susan)*; связки со значением изменения признака — *become, make, turn, go, come out, etc.*: «*He was lucky, uncommon lucky — he most always come out winner*» (19 c. stories) ...*He'd make a squad leader right off (Jones)*.

Наряду с вышеуказанными, в номинальных конструкциях употребляется еще целый ряд связок, указывающих на форму существования признака, его соответствие или несоответствие действительности, характер или источник предикцирования субъекту того или иного признака.

Связки со значением авторизации. В качестве автора может выступать как субъект признака (*announce oneself, confess oneself*), так и другие лица (*be rated, be considered, be recognized, be listed (as), be reckoned, be looked on (as), be declared, be called, be referred to, be named, be judged, be classed (as), be known (as), be announced, be admitted, be thought (of), be supposed, etc.*): *You are not ashamed to stand there and confess yourself a disgusting deceiver (Shaw). General Scott isn't supposed to be a labour arbitrator (Knebel, Bailey)*.

Связки со значением выявления признака. Признак может обнаруживаться как самим субъектом (*prove oneself, show oneself, reveal oneself, appear* (в значении «оказываться»), *turn out*), так и другими лицами (*be identified, be found, etc.*): *He's proved oneself an extremely able administrator and studio executive (Robbins). He was found a bad correspondent (Charteris)*.

Связки со значением каузации. К ним относятся *be assigned, be appointed, be elected, be made, be hired, be employed, be taken, be called*: «*You've been assigned my assistant*» (Forsyth). *Her father had been appointed manager of Forth Pit...* (Cronin).

Связки в номинальных конструкциях могут выступать как лексическое средство передачи грамматических значений, например, аспектуальности — связки со значением начала (start, begin, etc.); продолжения (stay, remain, keep, continue, etc.); окончания действия (finish, end, come out, emerge, etc.): He began as a newspaper reporter (Steward) (*инхоативность*); He used to be just a regular writer, when he was at home (Salinger) (*дуративность*); He ended as a telephonist (Sillitoe) (*результативность*).

В ряде случаев связочные глаголы обладают ярко выраженной экспрессивно-стилистической коннотацией, передавая различные оттенки субъективной модальности. Сюда относятся: *связки со значением «волеизъявления», «желания», «намерения», «субъективной оценки»*: be willing, want, wish, should (would) like, prefer, feel, be going, mean, be determined, etc.: Little Jon also meant to be a painter when he grew up (Galsworthy). He was determined to become a fashion photographer (Krantz); *связки со значением мнимого существования признака*, включающие сему «стремление субъекта создать о себе представление, противоречащее действительности» — play, act, pretend, etc.: He himself might have acted the chivalrous protector (Short Story Masterpieces). We'd pretend that we weren't married, pretend to be starcrossed lovers (Braine); *связки со значением аппроксимации* — be like, look like, act like, sound like, pass for: «You feel rather like a prisoner coming out of jail, don't you? (Cusack). She looked like a boy actor (Murdoch).

Таким образом, в предложениях, построенных по номинальной модели, в которых информативным центром является именной компонент (предикатив), определяющий категориальную принадлежность предложения, роль связки не сводится к формальному указанию на взаимоотношения подлежащего и сказуемого. Связочный элемент несет собственную смысловую нагрузку, наращивая и обогащая предикативную ось и повышая информативную насыщенность предложения. Связочный элемент указывает на окказиональный или константный характер признака, предиктируемого субъекту, природу его возникновения, обстоятельства обнаружения, его реальность, достоверность и т. д. Связка номинального предложения может выступать как лексическое средство передачи грамматических значений (различные аспектуальные характеристики). Связочный элемент во многих случаях значительно расширяет шкалу стилистических коннотаций номинального предложения, привнося разнообразные оттенки субъективной модальности.

Поступила в редколлегию 29.09.82.